

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 62 (3873) Суббота, 24 мая 1958 г. Цена 40 коп.

РУССКИЕ ЗАВОЕВЫВАЮТ КОСМОС

МНЕНИЕ АНГЛИЙСКИХ УЧЕНЫХ

3 АПУСК гигантского третьего спутника Земли Советским Союзом произвел глубокое впечатление на английских ученых. Мне пришлось в эти дни услышать восторженные отзывы многих людей науки, к которым я обратился с просьбой высказать мнение о новом спутнике.

Член Английского королевского общества доктор Мартин, руководитель мероприятий по программе Международного геофизического года в Англии, заявил: «Мы имеем дело с замечательным на-

рядом». Они дают возможность достигнуть Луны и «даже провести с помощью специальной аппаратуры и радиопередатчиков исследования на пути к Марсу и Венере».

Директор научно-исследовательской радиоастрономической станции «Джон-рэдл бэнк» профессор Ловелл в интервью корреспонденту «Таймс» сказал, что запуск третьего советского спутника — замечательное достижение. «Я очень рад, что им это удалось».

Можно без преувеличения сказать, что люди науки в эти дни говорят только о новом советском спутнике. Характерно, что англичане, слабо разбирающиеся в научных проблемах, настолько привлекли и уверовали в успехи советских людей, что воспринимают их как нечто само собой разумеющееся.

Сейчас, когда над нами пролетает третий советский спутник, тысячи людей наслаждаются чудесной игрой, мастерством, талантом артистов Художественного театра, тех, кто донес до англичан образы чеховских «Трех сестер», «Дяди Ваня», «Вишневого сада».

По мнению многих зрителей, повидевших чеховские спектакли в Лондоне, самое время призадуматься над будущим рода человеческого. И в этой связи особенно близки сердцам людей глубоко гуманные слова великого русского писателя Чехова, умевшего ценить человека, его счастье и спокойствие.

Миллионы англичан, уставших от гонки вооружений, от постоянного страха и напряженности в международных делах, начинают осознавать, что обмен научными достижениями, точно так же как и достижениями культуры, — огромный вклад в дело мира.

Седрик БЕЛФРЕДЖ,
американский публицист
ЛОНДОН, 23 мая. (По телефону)

НА БЕРЕГАХ Куйбышевского моря

ПРЕДСТАВЬТЕ мысленно географическую карту. Самарская Лука напоминает повернутую влево букву «С»; кратчайшее расстояние по суше между верхним и нижним течением Волги измеряется несколькими километрами. Этим-то и пользовались неслышащие лодочники путешественники. Стоило перетащить лодку через сушу, и плыви себе мимо диких Ингульских гор, мимо пыльного Ставрополя, о котором в старом путеводителе было сказано самое обидное — «ничем не интереснее»; мимо Царева кургана, названного так, как гласит предание, потому, что это — земляное надгробие какого-то великого царя, насыпанное шлемами воинов.

Через три-четыре дня такого плавания, все время по течению, путешественники причаливали к куйбышевскому городскому пляжу.

Такова была старая волжская «кругосветка».

Теперь все по-иному. «Кругосветка» изменила свой облик. На лодке теперь не полыхает. Во-первых, волны на Куйбышевском море достигают в бурю четырех метров высоты. Во-вторых, на лодочке через шлюз не пройдешь! А в-третьих, ехать придется не вниз, а вверх по течению, потому что вниз, по Усинскому заливу, движения больше нет.

Самое, вместо того чтобы плыть по «кругосветке» на восточный берег, нам пришлось отправиться на вполне морском, комфортабельном дизель-электродвигателе «Карелия».

Следы многолетней битвы за покориение Волги и живые приметы продолжающегося огромного строительства начинают попадаться уже неподалеку от Куйбышева. Сперва по борту чернеет Царев курган, его срезающий конус причудливо «обгусан» экскаваторами.

Создание искусственного моря потребовало замены доброй половины ходивших тут раньше судов. На волжских теплоходах появились радарные установки для плавания в тумане. В навигацию 1958 года по морю начал курсировать со скоростью 60 километров в час пассажирский экспресс на подводных «крыльях».

Еще не так давно Ставропольский порт обслуживало всего семь человек. Теперь здесь работает около пяти тысяч работников, есть специальный поселок, в кото-

ром живут труженики Куйбышевского моря. А рядом поселились гидростроители, эксплуатационники линий высоковольтных передач, железнодорожники.

На правом берегу, там, где, словно вырастая из горы, уходит в море белое здание Куйбышевской ГЭС, все еще работает около четырех тысяч строителей. Гидростанция уже выдает четырнадцатый миллиард киловатт-часов дешевой электроэнергии, но стены огромного здания пока еще в строительных лесах. Идут отделочные работы.

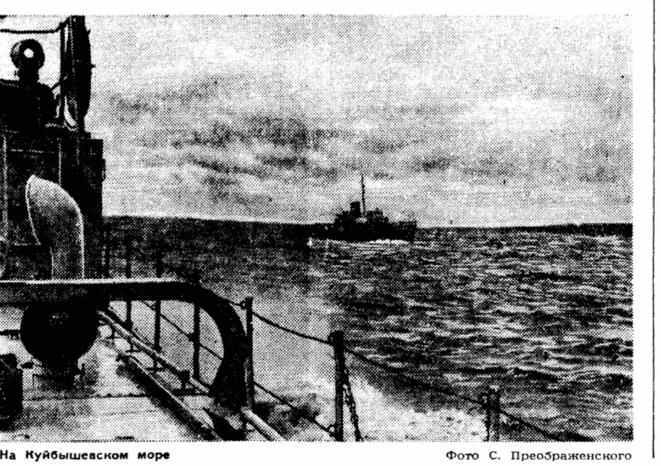
...Пройдя на катере по тихому плёбу Усинского залива, который образовался на месте небольшой речушки, мы высадились возле села Переволоки. В былые времена чуть ли не главной доходной статьей жителей захолустной деревушки был «переволок», то есть перевоз на телегах лодок путешественников.

Теперь Переволоки претерпели также же изменения, как вся волжская «кругосветка». Узкий перещик стал бойким местом. По нему проходят железнодорожная и автомобильная магистрали, рядом появился городок бетонного завода и десперевалочного комбината. Через Усинский залив перепахали стальные опоры линии энергопередачи Куйбышевская ГЭС—Москва.

Речники показывали мне пожелтевшую вырезку из самарской газеты конца 20-х годов; статья называлась «Уйдет ли Волга от Самары?» Это был далеко не праздный вопрос — кормилцу русского народа постепенно засыпались пески. Волга «слизливала», покрывалась мелкими, песчаными перекатами, а возле Самары была уже готова изменить русло. Тяжкое бестение, грозившее большому торговому городу, удалось предотвратить. А теперь с созданием волжского каскада проблема будет решена навечно.

Об этом невольно думалось, когда, заканчивая наше маленькое путешествие, мы снова подплыли к Куйбышеву. Величаво и пологоно течет тут Волга. А вдоль ее берега, почти на тридцать пять километров, вытянулся город, который она никогда не покинет. И нельзя не почувствовать гордость за людей, по чьей воле старая волжская «кругосветка» помолодела...

Ю. ОКЛЯНСКИЙ,
собственный корреспондент
«Литературной газеты»

На Куйбышевском море Фото С. Преображенского

Острее, глубже, принципиальнее

ПЕРВЫЙ номер журнала «Иностранная литература», вышедший почти три года тому назад, ожидался с нетерпением. Советскому читателю давно не хватало периодического издания, которое знакомо бы его с новинками зарубежной литературы, вводило бы его в курс современной литературной жизни за пределами нашей Родины.

И действительно, за эти три года журнал не сделал немало. Он помогает создать представление о сложных процессах развития культуры и общественной жизни народов мира, знакомит с бурным ростом молодых литератур, рождающихся в борьбе против капитализма.

Литература стран социалистического лагеря освещается в журнале из номера в номер. Этот круг тем заметно расширился именно в последний год. Так, например, отметил № 9 за 1957 год, посвященный китайской литературе.

Важным событием международной литературы стали опубликованные в журнале письмо М. Шолохова, приглашавшего писателей разных стран высказаться по острым литературным и общественным проблемам нашего времени. Обращение Шолохова нашло широкий отклик за рубежом.

Удачен раздел «Творческая трибуна». В нем звучат голоса и наших зарубежных друзей, и советских писателей и критиков. Здесь выделяются статьи Б. Бялика «Пора начинать!», А. Чаковского «Что же дальше?». Это убедительные выступления в защиту искусства социалистического реализма, бьющие по ревизионизму и его подделкам... Хорошо, что журнал публикует работы зарубежных критиков: например статью Мартона Хорвата об А. Йожеде, статью Лю Бай-ю «Холодное течение правых элементов в литературе».

Не удовлетворяясь только литературой, журнал затрагивает и важные вопросы изобразительного искусства, музыки, театра, кино. Он знакомит с теми явлениями культуры, которые влияют на литературу и сами испытывают ее влияние. Редакция стремится систематически информировать читателей и о новинках за рубежом, и о работах советских филологов и искусствоведов, посвященных зарубежным темам. За последнее время в журнале все чаще появляются документы о международных культурных связях Советского Союза. Особое внимание заслуживает публикация ряда ленинских документов.

Таким образом, программа журнала весьма широка. И хотя многое уже сделано им, однако, многое еще не удовлетворяет, а состояние некоторых его разделов не может не вызывать чувства тревоги.

Отбор художественных произведений, которые публикуются в журнале, не всегда удачен и взвешен. Зачем, например, было публиковать рассказы У. Фолкнера «Дым» (№ 12, 1957), подрывающий образ повествователя о том, как некий геолог-исследователь Гавин Стивенс — любимый герой Фолкнера — раскрывает запутанное преступление? Чем обогатил этот рассказ нашего читателя?

Следовало бы публиковать на страницах журнала роман Л. Фейхтвангера «Братя Лаутензак», вышедший еще в 1943 году и не принадлежащий к числу удачных произведений этого писателя? Так ли содержательны и важны рассказы Г. Грина — автора безусловно значительного романа «Тихий американец»? Едва ли стоило печатать и роман Л. Мастера «Несчастный случай» — произведение искреннее, но не свободное от атомного психоза.

С другой стороны, жаль, что за три года существования журнал так мало знакомит читателей с литературами Индии, Африки, арабских стран, Латинской Америки. Да и литература стран народной демократии, в общем освещаемая довольно широко, могла бы быть представлена в журнале значительно богаче. Жаль, что прекрасная повесть И. Неверина «Парень из Салыкских степей» была опубликована не в журнале «Иностранная литература». Жаль, что сравнительно мало внимания уделено богатой и сложной литературе Германской Демократической Республики.

Журнал знакомит читателей только с двумя повестями А. Зегерс и некоторыми произведениями Л. Фюрингера и Б. Брехта, — и это все, чем представлена художественная литература ГДР.

Сопоставляя эти факты, убеждаешься, что в отборе произведений, публикуемых в журнале, нередко не хватает строгого и последовательного принципа, заметны какие-то внутренние противоречия. Полу-

печаткой некоторых статей и материалов. И так как борьба против ревизионизма отнюдь не кончена, а только развертывается и принимает все более серьезные и сложные формы, журнал должен вмешиваться в нее гораздо активнее, чем он делал это до сих пор.

Критическому отделу журнала «Иностранная литература» явно недостает наступательного духа, он забыл о боевых традициях советской публицистики и литературоведческой науки.

А тактика невмешательства ошибочна: она ведет к деинформации читателей, она лишает наших друзей за рубежом авторитетной поддержки советского печатного органа.

Все это сказывается и на внимании отдела критики к вопросам теории и практики социалистического реализма, в журнале была напечатана только одна статья советского автора, прямо касавшаяся социалистического реализма в зарубежных литературах и выступавшая в защиту его принципов, — это работа Т. Мотылева «О некоторых вопросах реализма XX века». Но и в этой статье социалистическому реализму было уделено внимание именно в связи с общей постановкой вопроса, сказано было больше о реализме критическом. С тех пор, — а это было год назад — журнал не напечатал ни одной теоретической статьи советского автора, посвященной проблемам социалистического реализма в зарубежных литературах. Не высказала своего мнения редакция и относительно ревизионистских позиций Г. Лукача, подвергнутых критике в венгерской и немецкой партийной печати.

ИЗВЕСТНО, что ревизионисты, опираясь на работы зарубежных буржуазных литературоведов, противопоставляли авторитету советской литературы и достижениям переводовых зарубежных писателей творчество Джойса, Кафки, Камю. Но из сих пор журнал не выступил с материалами об этих писателях и шире — по поводу так называемого модернизма в литературе, хотя уже давно надо было внести ясность в этот вопрос и сказать о тех, кто ратует за «модернизм», выступает с апологической деклансацией искусства. Вместе с тем журналу надо было решительнее вступить за лучшие традиции критического реализма в зарубежных литературах. Что касается уже названной статьи Т. Мотылева, во многом по-новому ставящей проблему критического реализма XX века, то в ней есть неточные определения. Занимая четкую позицию относительно деклансаторской литературы, Т. Мотылева, однако, писала, что «само понятие реализма в XX веке перестает включать обязательное требование эмпирической достоверности». Здесь неясно уже сам термин «эмпирическая достоверность». Чем же, например, Балзак был «эмпирически достоверен» или чем «эмпирически недостоверен» Р. Роллан?

«Эмпирическая, бытовая достоверность» в современной литературе, — говорит Т. Мотылева, — далеко не всегда может служить критерием реализма». Но когда же она служила «критерием реализма»? Неужели применительно к литературе XIX века?

«Реализм XX века отличается большим художественным многообразием, — пишет Т. Мотылева, — и отход от эмпирического правдоподобия, гротескные, аллегорические, условные приемы во все не противопоставлены ему». А разве они были «противопоставлены» автору «Гобсека», Джокену, Гоголю?

Понятно, что такие неточные аргументы не усугубляют позиции критического реализма XIX века; а именно против него выступал польский критик Артур Сандауэр, с которым полемизировала Т. Мотылева.

Основной недостаток статьи Т. Мотылева, на наш взгляд, заключается в том, что, разносторонне и глубоко пойдя к решению вопроса о различных реалистических направлениях XX века, она выступила в основном против проявлений догматизма в нашей литературной критике и в меньшей степени против ревизионистских концепций.

Серьезные возражения вызывают многие места статьи Р. Орловой и Л. Копелева «Мифы и правда американского Юга», утверждающей, что творчество Фолкнера насыщено «народными» и в том числе «негрскими» элементами. Статья приписывает Фолкнеру, всему «его мироощущению», «его системе нравственных критериев», «непосредственное родство с негрскими национальным характером, с негрскими народными поэзией и мифологией». Фолкнер — талантливый, сложный писатель, и надо, чтобы советский читатель имел о нем верное представление. Но как же можно писать о Фолкнере как об искателе истины и поборнике справедливости, когда тот же Фолкнер в феврале этого года заявил: «...необходимо внушить неграм по всему Югу, что прежде чем они смогут стать свободными и равноправными, они должны заслужить это». И далее, говоря, что грамота и арифметика для негра не так уж обязательны, Фолкнер замечает, что «негр обязан зазубрить более тяжелые вещи: самоограничение, честность, моральную чистоту». Вот уж действительно «мифы и правда американского Юга»! Что касается мировоззрения Фолкнера и его соотношения с творчеством писателя, то авторы настолько отбывают их друг от друга, что фактически противопоставляют политическим выступлениям писателя «его творческие произведения». Не подлежит сомнению, что Р. Орлова и Л. Копелев были движимы лучшими стремлениями написать серьезную статью о Фолкнере. Но получились нечто совсем другое: путаница, авторы путают и читателей.

Если художественные произведения, печатающиеся в журнале, дают живую картину современной жизни за рубежом, то этого никак нельзя сказать об отделе критики. В нем довольно мало говорилось о современной индийской литературе, о литературе Скандинавии, египетской, польской литературе. Зато было десять статей о литературе США, и среди них почему-то две — о Фолкнере. В статьях об индийской литературе журнал дважды возвращался к вопросу о так называемых «разгневаных молодых людях». Хотя в статье В. Ивашевой о них сказано было вполне достаточно, зачем-то понадобилась еще заметка «Одинокие медведи», ничего нового не сообщившая и только вызывающая недоумение параллель между современным английским юношей и... бедняком Корепановым. Почему Корепановым? Да потому, что герой романа индийского писателя Эмиса не похож на тургеневского Базарова, — такова логика автора. Повторение одних и тех же имен в статьях, возвращение к темам, уже затронутым, ведет к тому, что Фолкнер и «разгневанные молодые люди» выдвигаются в журнале на первый план, а многие другие темы — и надо сказать, очень важные — остаются в тени.

У журнала «Иностранная литература», несомненно, большое будущее. Но он, как и другие наши журналы, должен стать ближе к жизни не на словах, а на деле. Он должен стать боевым журналом, активно участвующим в борьбе против ревизионизма и других проявлений буржуазной идеологии. Он должен активнее содействовать развитию передового искусства, объяснять и обезоруживать его противников. Надо помнить о серьезном воспитательном воздействии, которое журнал способен оказывать на читательскую среду, о его международном престиже, о его благородной миссии собирать силы передовой литературы наших дней.

Р. САМАРИН

Дружеские встречи продолжают

ЧЕТВЕРТЫЙ день гости в Белоруссии писатели Литвы — участники недели литовской литературы. Тепло принимают их на белорусской земле. Встреча писателей двух братских республик выливается в праздник дружбы двух народов.

В правлении Союза писателей Белоруссии получена телеграмма на имя П. Бровка и А. Венцово от секретариата правления Союза писателей СССР: «Горячо приветствуем всех участников вечеров дружбы двух братских республик — литовской и белорусской. Выражаем уверенность, что проводимая в Белоруссии неделя литовской литературы внесет значительный вклад в благородное дело укрепления и развития творческих связей в многонациональной семье советских писателей, что обмен творческим опытом будет способствовать дальнейшему расцвету ваших литератур. Желаем больших успехов всем нашим друзьям — участникам недели».

22 мая литовские и белорусские писатели посетили промышленные гиганты Минска — автомобильный и тракторный заводы.

Два грузовых автомобиля «МАЗ», только что сошедшие с конвейера, были превращены в трибуну. Сотни заводчиков вышли из цехов, чтобы встретиться с представителями литовского народа. Со словами приветствия в рабочем обращении литовский писатель М. Слудчик и белорусский писатель Н. Ткачев. В течение обедающего перекура здесь звучала литовская, белорусская, русская речь. Стихи в оригинале и в переводах читали Т. Тильвитис, В. Реймерис, С. Граховский, А. Жу-

каускас, А. Астрейно, Э. Матузевичюс, Н. Горюлев, К. Кубилинас.

В это время принимали у себя участников недели литовской литературы и тракторозаводцы. После осмотра заводской группы писатели Литвы и Белоруссии были приглашены в красный уютный цехик тракторного завода. Собранный здесь тракторозаводцы тепло встретили своих гостей, которых представил им белорусский писатель Ф. Пестрак.

Не первый год длится трудовое соревнование литовских и белорусских колхозников, — говорит литовский писатель В. Радитис, — и вы, товарищи тракторозаводцы, очень хорошо помогаете колхозникам в этом соревновании. О вашей братской помощи литовские колхозники вспоминают каждый день, видя белорусские тракторы, бороздящие колхозные нивы Литвы.

О дружбе советских народов говорилось и в стихах, которые читали перед тракторозаводцами А. Венцово, В. Мозурионис, С. Шушкевич, Э. Мелжайлис, П. Приходко, Ю. Маршинявичюс, А. Бачила, Г. Нехап.

Осматривая город, писатели Литвы восторженно отзывались о героическом труде белорусского народа, поднявшего из руин и пепла свою столицу. Гости охотно приняли приглашение минских гидростроителей и вечером побывали в их Дворце культуры. В тот же вечер другая группа литовских и белорусских писателей встретилась с минскими студентами.

Вчера, 23 мая, участники недели литовской литературы выехали в Брестскую и Могилевскую области, чтобы встретиться с колхозниками и сельской интеллигенцией.

МИНСК. (Наш соб. корр.)

Вечер советско-итальянской дружбы

22 мая в клубе Московского завода малолитражных автомобилей состоялся вечер, посвященный советско-итальянской дружбе. Его устроили правление общества «СССР—Италия» и заводской комитет профсоюзного, который является коллективным членом общества.

Председатель общества «СССР — Италия» народный артист СССР Г. В. Александров в своем выступлении отметил, что участники вечера собрались в день, когда правительство СССР обратилось к правительству Италии с заявлением о необходимости улучшения советско-итальянских отношений. Между СССР и Италией, как подчеркивается в этом заявлении, нет каких-либо непримиримых разно-

гласий, которые нельзя было бы решить при желании и доброй воле.

Обратившись затем к участникам вечера московский корреспондент итальянского журнала «Реальта Советских» Марио Беноччи подчеркнул, что существуют большие возможности для развития дружбы и сотрудничества между СССР и Италией.

Кинорежиссер А. М. Роом рассказал о путях развития итальянской кинематографии в послевоенный период. Он остановился, в частности, на творчестве выдающегося итальянского драматурга и актера Эдуардо де Филиппо.

В фойе клуба демонстрировалась фотовыставка об Италии.

Закончилось совещание писателей Средней Азии и Казахстана

В Ашхабаде закончилось совещание писателей Средней Азии и Казахстана, обсудившее вопрос о подготовке к конференции писателей стран Азии и Африки и работу литературных журналов. В центре внимания были вопросы взаимности братских литератур, писательских организаций и печатных органов.

По докладу П. Скосырева о работе журналов развернулись прения, в которых участвовали С. Джиусев, Д. Халдурды, А. Иванов, Ф. Моргун, М. Леви, М. Ансаков, П. Карпов, Е. Долма-

говский, Я. Шулуров, З. Шашкин, С. Лиходанеский, Н. Чуковский, Ф. Ниязи, А. Аборский, В. Дорофеев, Т. Алимкулов, Н. Асанов, А. Мурадов, Л. Лебедова, Н. Сеньков, С. Бородин, В. Байзаков, Р. Алиев, Н. Кузьмин, А. Мухтар, Г. Корабельников, Л. Горлецкий, В. Зубарев. Итоги совещания подвел К. Симонов.

Отчет о совещании будет опубликован в одном из ближайших номеров «Литературной газеты».

ДЕРЕВЕНСКИЕ НОВОСТИ

ИЗ РЯЗАНСКОГО ДНЕВНИКА

КОГДА машина, наконец, кружным путем, преодолев бездорожье после ливневых шквалов дождей, добралась до Перекая, на улицах села было тихо и безлюдно. Казалось, затянута непогода нарушила ритм жизни села, обычно такой напряженной в дни сева. И в самом деле, первое впечатление от поездки по полям складывалось такое, что дождливая, капризная весна если не прервала полевые работы, то, во всяком случае, и долго затянула их. Черная влажная пахота, низко нависшие тучи, изредка разрываемые ветром, наполненные водой глубокие колеи проселочных дорог — все это говорило о том, что весна нынче трудная, затяжная.

Но сколько переступить порог правления колхоза, как ныне впечатления отнесли тревожные чувства, навеянные дорожным пейзажем.

Сразу же после первого знакомства и распросов выясняется, что непогода и распутица не карушили ритма колхозной жизни. Сев ранних яровых, оказывается, давно уже закончен, к тому же не за пять дней, как в прошлом году, а всего лишь за три дня.

Как же так могло случиться «наперекор стихии»?

— Высокая маневренность, — пояснил нам председатель колхоза Алексей Дмитриевич Киришин. — Чуть проглянет солнце и разгуляется ветерок, там или здесь подует повет, тракторы немедленно начинали сев. Дело ясно: машины и механизаторы теперь свои, и в любой момент они работают на любом участке. Не то, что прежде, когда приходилось все согласовывать, увязывать с озимосевскими работниками, выжидавшими наиболее благоприятных условий — поменьше бы перебарывать тракторы. Наш выигрыш — сэкономленное время, быстрый сев, а стало быть, хороший урожай.

СЛОВ эти запомнили нам беседа с секретарем Рыбовского райкома партии Михаилом Иванюхиным. Рыжниковым, когда он сообщил нам о новом, необычном и отчаянном явлении: за все время сева зерновых не было ни одного телефонного звонка с просьбой вырвать колхоз техникой, горючим. А ведь сеяли-то урывками, между дождями.

Одичевшие этой спокойной уверенности в своих силах и возможностях мы увидели в крепко сложившейся, богатой фигуре бригадира тракторной бригады Василия Никитича Дворецкого. Он сидел на диване в кабинете председателя и обстоятельно рассказывал о только что сделанной им разведке в поле:

— Видишь ли, Алексей Дмитриевич, жать нам не приходится. Кое-где картофелем поле подожгли. Но пять гектаров в день, а сажать будем немедленно. Расподойдись — дадим и по двадцать. Земля, правда, лохмистая, но на «Беларусе» управимся.

— Смотри только, Василий Никитич, чтобы были и темень, и качество, — предупреждает председатель.

— Да уж парод ученый, — улыбается бригадир, с добродушной лукавливкой поглядывая на колхозного агронома Ольгу Владимировну Истоминову.

Улыбка его всем понятна. Только что Ольга Владимировна рассказывала, как на первых порах кое-кто из трактористов по старой привычке гнался за количеством обработанных гектаров, забывая о качестве. Виктор Середин, например, полтора гектара вспахал мелко, с отрезанной, дунай, что и так сойдет. А не сошло! Пришлось ему перепахивать «за свой счет», без оплаты трудной.

ХОЗЯЙСКИЙ глаз колхозников зорко следит за тем, чтобы работа была добротной. И когда случалось так, что бригадир полеводческой бригады Александр Андреев сибиряльничал и дриная от одного из трактористов десять гектаров пахот вспаханной земли, ему пришлось за это сурово поплатиться.

Участок вновь перепахали, а все дополнительные затраты на горючее и оплату трудной ему пришлось, по решению правления колхоза, взять на себя. А вот те, кто работает отлично, — Андрей Штаркин, Иван Наузов, Владимир Кондратьев и другие, — поощряются по разработанной в колхозе премиальной системе.

Большие и отчаянные перемены в жизни колхоза вылились на каждом плугу. Всего два месяца тому назад мы были в Перекале. Тогда здесь только шло горячее обсуждение того, что даст колхозам реорганизация МТС. Были споры, высказывались предложения и пожелания, рождались замыслы перестройки работы поновому. А сейчас уверенно осуществляется все, что задумано.

Разумеется, не все можно было предвидеть, зато уложили в определенные рамки, предусмотрели и решили возникающие проблемы. Реорганизация МТС ведь не простой акт передачи машин из одних рук в другие, а важнейшее явление в жизни колхозной деревни, сложный процесс становления нового.

Забота об укреплении и развитии колхозной экономики, стремление полностью использовать все преимущества, которые даст деревне реорганизация МТС, вынудили необходимость усилить контроль, чтобы вывести технику на широкие просторы и взять от нее все, что она может дать.

ДВА месяца назад, когда мы были в Перекале, об укрупнении этого колхоза не было и разговора. А сейчас слияние с соседним хохлыньским колхозом — свершившийся факт.

По-соседски мы хорошо знаем, кто чем богат и в чем у кого нехватка, — рассказывает Алексей Дмитриевич. — Силы у нас примерно равные, поля смежные, луга — тоже, а каждому в одиночку тесновато: нашей богатой технике простор нужен. Сообща подумали, подсчитали и решили объединиться. Выгода явная: ты же пащады обрабатываешь экономнее. Выяснилось, что можно не покупать один трактор, два комбайна — зерновой и силосуборочный. В обоих хозяйствах — две плурамы, а можно обойтись одной. Не нужно будет строить две мастерские, два гаража. Видите, что получается?

— И преимущество не только в этом, — утверждает Ольга Владимировна. — Севоборот перестроим, чтобы укрепить кормовую базу. У хохлыньских земля лучше под ородами, более плодородная, на возвышенном месте, а у нас для посева трав и корнелоподов хороша. Сообща нам легче осушить пойменные земли.

Да, с этими доводами нельзя не согласиться. Не будем приводить множество цифр, которыми для убедительности владел своими расчетами председатель и агроном. Но о некоторых из них все же упомянуть нужно, чтобы представить, каким мощным, многоотраслевым теперь будет этот колхоз. 3 635 гектаров сельскохозяйственных угодий, 850 голов крупного рогатого скота, около 400 свиней, десять тракторов и четырнадцать грузовых автомашин. Денежный доход возрастает до пяти миллионов рублей.

С такими ресурсами, можно не сомневаться, колхоз быстрыми темпами наберет новые силы.

ПО ВСЕЙ РЯЗАННИНЕ можно наблюдать этот плодотворный процесс создания мощных, крупных колхозов. В одном лишь Рыбовском районе, где мы побывали, вместо тридцати одного колхоза будет двадцать один. И, конечно, все эти изменения не только количественные, но и качественные. Естественно, что в процессе укрупнения колхозов к руководству ими приходят наиболее талантливые,

опытные организаторы. Естественно также, что в связи с этим резко сокращаются расходы на административно-управленческий аппарат. Создается возможность каждому колхозу дать квалифицированных специалистов и, следовательно, поднять колхоз на более высокий уровень.

Стоит в эти дни побывать в кабинете председателя колхоза, посмотреть и послушать, каковы его заботы, чтобы стало очевидным, как много нового, замечательного, глубокого принесла с собой реорганизация МТС.

ПОПЫТАЕМСЯ со стенографической точностью описать то, что произошло в течение нескольких минут. В кабинет входит двое. Знакомится.

— Мы из областного управления трудовых резервов. Обсуждаем колхозы, выясняем, какие кадры вам нужно подготовить. Так сказать, предварительная заявка...

— Хотите знать, сколько нам потребуется трактористов и комбайнеров? — спрашивает Алексей Дмитриевич.

— Не только их. Ведь вам, очевидно, сейчас потребуются токаря, слесари, сварщики, электромонтеры, кузнецы, фрезеровщики, строители... Заявку можно сделать на этот год и на будущий.

Председатель колхоза вместе с агрономом, завхозом, бригадиром тракторной бригады, при активном участии присутствующих здесь же в Правлении колхозников, начинают приглядывать, какие специальности им нужны. Называют все новые и новые специальности, и вдруг председатель спохватывается:

— Что-то много выходит. Все учиться поедут, работать некому будет. Давайте, прикинем заново... Анна Сергеевна! — стучит он в перегородку, вызывая бухгалтера. — Возьмите листок бумаги, составьте заявку по всем статьям.

Но составить «по всем статьям» заявку на этот раз не удается. Раздается телефонный звонок из Хохлыни. Слышимость плохая, и разговор о сажанцах для ибленного сада идет с переборами, с частым прерыванием трубки и нутуживым криком. Председатель явно недоволен и отдает распоряжение: — Сейчас же пошлите в районное отделение связи требование провести прямую линию Перекаль — Хохлыни.

Пока председатель диктует текст письма в районное отделение связи, заходит заводящая детскими яслями, высказывает свои соображения, на сколько мест надо расширить ясли для укрупненного колхоза, кого пригласить воспитательницами. Только обсудили этот вопрос, пришел старший шофер Николай Ртищев и начал горячо доказывать, что нужна вторая цистерна для доставки барды из Рязани хохлыньским фермам.

Наконец, выждав удобный момент, представитель областного управления трудовых резервов и руководители колхоза приступают к составлению заявки на подготовку кадров. А за окном ползает уже председатель «Победа» для очередной поездки по новым колхозным угодьям...

ПОРА расставаться. За излучинами дорог, за некрутыми взгорьями, покрытыми яркой зеленью озимых и черными квадратами свежей пахоты, в синей весенней дымке расплываются очертания рязанского села Перекаль. Вот уже и не видно его совсем. А в памяти надолго остаются волнующие встречи, лица недавних собеседников, их раздумья, слова, дела... Если бы попытаться одним словом передать то ощущение, которое оставил после себя встречи в Перекале, то, пожалуй, можно найти только одно слово — движение. Движение вперед!

А. ВЕЛИЧКО, К. ВИНУКОВЫ,
специально корреспонденты
«Литературной газеты»
Рыбовский район,
Рязанская область

В эти дни в залах Московского планетария особенно многолюдно. Около 2 000 посетителей ежедневно приходят сюда, чтобы послушать лекцию и посмотреть диaposитивные фильмы о третьем искусственном спутнике. А когда купол планетария загорается яркими звездами, то среди них зрители видят и движущийся спутник. Его маневр в натуральную величину в спорном времени будет установлен в фойе планетария.
На снимке: у Московского планетария.
Фото В. Нискулина

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» «Об уважении к женщине»

В связи со статьей писателя Вл. Немцова «Еще раз об уважении к женщине», помещенной в «Литературной газете» 12 апреля, старший помощник генерального прокурора СССР Г. Торопов сообщил редакции, что Прокуратура СССР собирается в конце мая с г. совещание работников прокуратур союзных республик и ряда прокуратур крупных промышленных областей и краев, на котором будут обсуждены доклады о надзоре за соблюдением законов о труде и технике безопасности в промышленности и строительстве и за соблюдением законности в деятельности совхозов. В этих документах будет обращено внимание на вопросы, поднятые в статье Вл. Немцова.

Редакция получила также письмо от главного инженера Управления машиностроения Московского областного совхоза П. Трысунова. В нем признается, что автором статьи подняты весьма актуальные вопросы хозяйственной деятельности предприятий, решение которых является первоочередной задачей.

В настоящее время на подведомственных управлению предприятиях осуществляются многочисленные работы по дальнейшему повышению технического уровня производства, механизации и автоматизации тяжелых и трудоемких процессов. К числу таких работ относятся и проводимые управлением мероприятия по механизации и автоматизации литейного производства на Подольском заводе имени Капальникова.

Автоматизация литейного цеха Подольского завода позволит полностью отказаться здесь от применения женского труда и значительно снизит себестоимость литья.

НАША часть уделяла Немато внимание обсуждению бракоразводного процесса. Это закономерно. Опыт показал, что в законе, принятом в 1949 году, есть существенные недостатки. Однако во время обсуждения наряду со многими правдами замечаниями выносились предложения, на мой взгляд непродуктивные.

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР... РАЗВОД — СЕРЬЕЗНОЕ ДЕЛО

Неверным мне кажется мнение, что судебный порядок никак не роли в укреплении семьи не играет и от него надо как можно скорее отказаться.

Напомню некоторые факты. Известно, что законы о разводе 1917—1918 гг., принятые при жизни Ленина, устанавливали для расторжения брака обязательную судебную форму в том случае, если развод требовал только один супруг. Правда, суду в то время не было предоставлено права отказа в разводе. Но закон все-таки обязывал прийти в суд, а не в административный орган, сдерживая этим в известной мере неосознательные разводы.

Когда в 1926 году был полностью отменен судебный порядок расторжения брака и все эти дела стали оформляться простейшей регистрацией в загсе, число разводов резко возросло.

Но вот в июне 1936 года было издано постановление, которое «в целях борьбы с легкомысленным отношением к семье и семейным обязанностям» ввело некоторые усложнения в порядок развода. Спустя некоторое время после издания этого закона число расторженных браков опять резко сократилось.

И еще один факт, относящийся уже к последнему времени: распространение разводов у нас в 1955 году было почти в два раза меньше, чем в 1940 году, когда действовал старый порядок.

Нельзя, разумеется, думать, роль уж закон вносит в бракоразводный процесс определенные сложности, то разводы прекратятся вовсе. Нельзя забывать о таких важнейших факторах, как условия духовной и материальной жизни супругов. Известно также, что за цифрой оформленных разводов не всегда скрывается какое-то число неформальных расторжений брака, которые ни в какие отчеты, ни в какую статистику не попадают. И все же никак нельзя игнорировать и влияние закона — в особенности советского закона! — на поведение людей.

У нас нередко семья распадается не только вследствие каких-то объективных обстоятельств. Еще много разводов совершается по легкомыслию, из-за моральной распущенности некоторых субъектов. В этих случаях отрезвляющее действие закона вполне уместно, так же как и влияние общественного мнения.

Не случайно в тот период, когда у нас был принят облегченный вариант «загсовского» развода, в «Правде» была напечатана статья Мих. Колцова, посвященная как раз тому вопросу. Талантливый журналист провел несколько дней в загсе в роли его заведующего и увидел своими глазами, как нелепо, неудобно калечится жизнь людей; число разводов в некоторых местах достигало чуть ли не половины числа заключаемых браков.

Он писал тогда: «Можно, конечно, развести теорию, что-де, мол, происходит перемена ценностей, проверка и отсев людей, повышение требований друг к другу на почве возросшей культуры и тому подобное... Эти аргументы мы жертвуем на бедность исцеления дешевых социологических схем. Факты говорят другое... Дело не в перемене ценностей, не в какой-нибудь генеральной ревизии мужей и жен, а в крайней легкости, неразборчивости брака, которая в свою очередь основана на соблазнительной, подстрекающей легкости развода».

При тогдашнем порядке разводами «баловались», как можно «баловаться» телефонным аппаратом или почтовой открыткой.

«Семья на ветру. Развалилась от первой же непогоды. Черт побрал бы их, легкие эти водоводы!» — с сердцем воскликнул Д. Водный в своем «юридическом трактате» на брачно-семейную тему «Серьез... и не надолго».

Некоторые критики современной системы развода спрашивают: «Зачем нам нужен закон о судебном порядке развода, если практика показывает,

что в громадном большинстве случаев требование о разводе все равно удовлетворяется? Мы же считаем, что эти факты говорят как раз о положительном влиянии закона. Дела о разводе возбуждаются теперь, как правило, именно тогда, когда есть для этого серьезные основания. Наш закон, хотя и борется за укрепление семьи, вовсе не предлагает судьям отказывать гражданам тогда, когда развод действительно необходим».

Иногда судебный порядок расторжения брака называют «бракоразводной канителью». Конечно, нам не нужны неадекватные, неразумные осложнения этого процесса, и существующий порядок надо пересмотреть, устранив излишнюю громоздкость процедуры. Но можно ли утверждать, что самым совершенным будет путь «блин-процесса»? Я согласен с мнением министра юстиции Германской Демократической Республики тов. Х. Веньямина, которая писала о результатах обсуждения проекта семейного кодекса. ГДР «уже преодолела прежние либеральные воззрения, согласно которым скорейшее расторжение брака рассматривалось как положительное явление».

Я считаю, что закон о разводе должен затруднять необоснованные разводы, и вместе с тем он не должен мешать разводу обоснованному. Отказ же от судебной формы развода лишает государство возможности средствами права в какой-то мере воздействовать на поведение людей в важнейшей сфере общественной жизни. Закон должен стремиться к укреплению семьи и не ориентировать людей на то, чтобы государство выступало в роли бесстрастного регистратора распада семьи и в отдельных случаях грубых нарушений правил социалистического общежития.

Но совершенно очевидно, что в действующий закон нужно внести некоторые изменения.

Когда есть взаимное согласие на развод, когда оба супруга добиваются развода и попытка к примирению результата не дала, — это должно считаться достаточным основанием для развода. Отказ здесь означал бы неоправданное вмешательство в личную жизнь. Но выяснено это может быть только в суде, а не в загсе.

Думается, мне, что нужно отказаться от дробления процесса о разводе между двумя инстанциями (сначала в народном суде, а затем в вышестоящем). Дело может с успехом решить один суд. Какой именно — это должны определить законодательные органы. Но территориально расположение судов, на мое кажется, в этом случае будет иметь значение.

В ходе обсуждения порядка бракоразводного процесса могут возникнуть и другие вопросы. Но, на мой взгляд, все они должны быть подчинены одной общей идее: нельзя облегать необоснованные разводы, но в то же время не нужно мешать справедливому, необходимому расторжению брака.

И то и другое подкрепляется интересами общества и семьи и интересами прежде всего, конечно, детей. В какой форме следует эти изменения провести? Нужно ли издавать сейчас отдельный законодательный акт или провести это в общесоюзных основах законодательства о браке и семье, которые должны быть описаны по Конституции СССР. Мне кажется, что второй путь целесообразнее. Вопрос о разводе неотделим от других вопросов семейного права, и поэтому лучше всего разрешать их одновременно и в общесоюзных основах, которые должны быть изданы как можно скорее и которые, по установившейся у нас традиции, должны быть заранее опубликованы и всенародно обсуждены.

Г. СВЕДЛОВ,
доктор юридических наук

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» Прошу передать через Вашу газету мою сердечную благодарность всем, кто порадовал меня приветом в день моего семидесятилетия.

Член-корреспондент
Академии наук СССР
В. АДРИАНОВА-ПЕТЦ

Плечо товарища

Александр АНДРЕЕВ

ми волосами, ворвалась она в его жизнь, — надо же было случиться такому счастью! — и вот четыре года безраздельно вступает над ним. Мать ворчит: «Мало тебе других девок. Получил ее есть. Ишь, привязался... Приколдовала, что ли? От людей стыдобищуха...» А он ни о ком другом даже думать не может... Порой Павел жалел себя: не урод он какой-нибудь, не дурачок, не пьяница... Почему же ему так мало радостей отведено? В такие минуты он казался себе нищим, которому вместо хлеба дают камешки...

За спиной, в сенях, скрипнула половица, затем лягнула щеколда, и на крыльцо вышла Шура в овчинной нагольной шубе, в валенках, на голову накинут вязаный платок. Она села рядом, ступенькой выше, свет фонаря тронул ее припухшие губы и веки, нежную линию шеи и подбородка; пушистая прядка у виска вилась розоватым прозрачным дымок.

— Сидишь? — Павел уловил в ее вопросе обычный смехок.

— Как видишь.

— И надолго уселся тут?

— Павел облокотился на свои колени и склонил голову, не ответил — не до игривых разговоров. Шура подвинулась ближе и обеими руками сдвинула его руку выше локтя. — Ой, мокрый какой! — вырвалось у нее. Стараясь заглянуть в лицо, она попросила: — Паша, под добром тебя прошло: не ходи ты ко мне... В голосе ее было столько жалобной искренности и желания смягчить причиняемую боль, что Павел тоскливо, со стоном вдохнул. Он попытался освободить руку, но Шура крепко держала ее. — Сколько бы ты ни ходил — толку не будет. Мне уж двадцать три года, мама говорит, пора гнездо вить... А как я его совою? Люди смеются: под ковром, говорят, живешь... — Я тебя тысячу раз просил: давай пожениться.

— Шура выпрямилась и произнесла раздельно, с беспощадностью человека, который властен осуществлять или уничтожить другое: — Не пойду я за тебя. Не надейся.

Вот они, камины-то! Они как бы прищипали Павла, он склонился еще ниже, глядя на мигающий огонек фонаря. Капли, врезаясь в круг света, делались на миг красными, будто накалились, а мелкие брызги вспыхивали холодными искорками и тут же гасли. Шура поглядывала на его опущенную голову, такую покорную и несчастную сейчас, и в груди ее шевельнулось чувство жалости.

— Босья ты тебя, Паша, — старалась она втолкнуть ему, — Ты мне никто, чужой человек, а и сейчас прохожу не даешь, и впрямую ковоиру. А когда сойдется вместе, — совсем житья не будет... — Что меня болят? Чай, я не зверь какой-нибудь, глупо и обижено промолвил Павел, не поднимая головы.

— Нет, не зверь, — согласилась Шура и,

пригнувшись к нему, проговорила торпливо, с испугом. — Сколько разных неурядиц вокруг, Пашенька, нехваток, митарств — не счесть. Так хоть в семье покой ссыскают... А с тобой разве сбережешь покой? С людьми ты жить не умеешь: чуть кто не так сказал или пошутил, — точно с цепи срываешься, оскальешься, даже страшно... От одних твоих скандалов иссохнешь.

Павел удивился ее не в меру рассудительным словам. «Должно быть, мать напугала», — подумал он не без горечи и упрека. — Обидно, а правда... С ним и в самом деле не дружат, не вступают в спор, сторонятся, опасаясь его вспыльчивости, доходящей до беспамятства.

— Что ты натворил нынче в правлении? — расприжимшись, бросила Шура, холодно, с презрительным осуждением. — Схватил за грудки председателя, акричал — зна хлать-роств!

— Павел медленно и упрямо поднял голову. В зрачках заигрывали красивые, обжигающие тошни. Этого дыкото взгляда Шура всегда боялась.

— А ты хочешь, чтобы я перед ним на коленях встал, шею подставил — рубите! — прошептал он, задыхаясь. — Не дождетесь! Если человек жулик и гад, я всегда скажу ему, что он жулик. Не постою ни перед кем!

— Шура чуть отодвинулась.

— Заладил одно: «жулик, жулик»... У тебя все жулики и гады. Один ты хорош.

— Хорош я или плох — иной вопрос.

— Ну и чего ты добился?

— Ни черта я не добился, — с горечью сознался Павел. Неожиданно он толкнулся в колени ей, рукам схватил носок валенка и судорожно сдвинул его. — Плохо мне здесь, Саня, — заговорил он, чуть не плача. — Не могу больше. Уедем отсюда.

Шура удивленно отодвинулась от него еще дальше.

— Куда?

— В Горький. А то в Москву.

— Эх, разбежался! — Шура усмехнулась невесело. — Там нас дожидаются, в Москве, — приезжайте скорее... И что я там не выдаю? Да и ты тоже... Уж не директором ли какому поставят? — Шура отвела взгляд от горячих точек его глаз, проговорила со злостью: — Скاتهешь тебе дорожку. Хотя пороги обивать не станешь. Отпусти мою ногу. Больно.

Но Павел сильнее сдвинул носок валенка.

— Я знаю, почему ты дорожку мою скатертью устилаешь: Коляя Фанасова ждешь. Так вот, королева Солома, слушай: может, и дождешься, но все равно ничего у вас не выйдет. Коляя в Горький уезжает — туда приеду. Жить вам не дам!

— Да кто ты такой, чтоб давать жить или не давать? — крикнула Шура с отчаянием. Взглянув на его торчащие углом плечи, на непреклонно сомкнутый рот, на упорный и мрачный взгляд из-под переложенного козырька

военной фуражки, она вдруг поняла, что он действительно вряд ли даст ей спокойно жить, и заплакала от обиды и бессилия. — Что ты за изверг такой! Навязался ты на мою голову!.. — Мать Шуры резко зааборачила в стекло — услышала крик дочери, и опять Павел не увидел ее лица, только смутно мелькала в сумраке окна ручка, словно спровождавшая проклятье.

Павел встал и поднял фонарь.

— Я не изверг, — сказал он печально. — Моя жизнь связана с твоей — теперь уж не разорвать. У меня света без тебя нет.

— Шура тоже встала.

— Кто тебя просил связываться? — сказала она тихо, сквозь слезы.

— Судьба, Саня.

— Она хотела прихватить еще что-то, злое, обидное, но Павел уже удалялся от избы. «Неужели так и уйдет, навсегда?» — удивилась Шура, даже спущенная с крыльца, встала валенками в лужу. — Нет, остановился... — Павел тряхнул головой и бегом метнулся опять к ней. Поскользнувшись, чуть было не упал, фонарь ударился о ступеньку, выхлудил и погас. Павел схватил ее голову в ладони, ткнулся лицом в шею ей, обдал горячим торопливым шепотом.

— Куда я один, без тебя, Санюшка... Ты одна у меня на всю жизнь. Уедем... Пожалуйста. По ценам ее текли слезы.

— Собрался бежать, так беги. Никуда я с тобой не поеду. — Легонько оттолкнув его, она вбежала на крыльцо, хлопнула дверью и с грохотом загнула засов, точно боялась, что он погонится за ней.

Павел медленно побрел к дому. Ни один звук не тревожил спящее село в эту темную, дождливую полночь.

К УТРУ дождь перестал. По зимнему студеному ветру насковоз продувал село. Тонко посыпавшая, он рассеял туманную изморозь, вчерашняя обильная грязь скопалась в жесткие и острые синеватые комки, а лужи затянулись матовым, гулко хрустящим льдом. Побелевшие тучи шло поверху, под ними вилась, не достигая земли, редкие сухие снежинки.

В Козьем овраге Павел Назаров с разбегу перепрыгнул ручей, прикрытый снегом, встряхнул залпанным мешком военного образца и, пригибая от ветра лицо, Павел прошел километра два и остановился.

Доел он до Горького, потолкается там, присмотрит, навестит односельчан, — их много там наберется, особенно на Автозаводе, — помету, подкамаю... Он договорится насчет работы, затем вернется сюда, снимется с паручека. Мононе, его для влуда попытаются задержать, потом отпустят, — рады избавиться от скандального человека.

С «венца» Павел брил последний взгляд на село, нахлобунил поглубже старую солдатскую

К СОВЕЩАНИЮ ДЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В НОВОСИБИРСКЕ

О старшем товарище

НЕТ сомнения, что притоку свежих сил в писательские ряды поможет и многолюдное совещание детских писателей в Новосибирске. Но в данном случае хочется, в нарушение традиций, сказать об одном из тех литераторов, которые будут руководить семинарами и чей творческий стаж — больше, чем весь «живой стаж» некоторых участников совещания. Сложилось так, что имя этого литератора известно, но, допустим, столичным читателям не больше, чем именам многих молодых участников недавних семинаров.

Речь идет о новосибирской поэтессе Елизавете Стюарт.

Стихи Е. Стюарт для детей по темам и отбору художественных средств весьма разнообразны, и (что очень важно) между ними легко провести четкую возрастную грань, точно установив их «адрес».

В одном из стихотворений поэтесса рассказала, как малышу, оставшемуся вечером в комнате наедине с самим собой, всерьез показало, что под шкафом шевелится кто-то вроде слона: «... глаза, как бирюшки, хвост, как серая резинка! Как убедительно переданы и эмоции, и ход рассуждений трехлетнего человека!»

Вроде бы и незамысловатая мысль — держать кондовка другого стихотворения:

Литературное обозрение

Рыбкам выпрыгнуть на воздух. Все равно, что нам нырнуть.

А ведь если задуматься, в этом тонком сравнении есть какое-то веселое «открытие», сделанное будто не самой поэтессой, а вот, может быть, тем самым малышом, когда он стал на три-четыре года постарше.

Среди героев стихов Е. Стюарт мы, кроме «самых маленьких», увидим и левочку, завидующую сестре, впервые надевшей школьную форму (а ей самой надо ждать этого целый год!), и первокурсника, огорченного тем, что «были жидкие чернила — ручка кляксу уронила», или гордящихся первой пятеркой, и школьница, мечтающая стать отважным капитаном и даже в классе путешествующего по далеким странам.

Поэтесса воспитывает в маленьких читателях и любовь к родной природе.

Все ли стихи Е. Стюарт для детей хороши и полнокровны? Нет. Есть неутраченные, есть скучные. Встречается порой умиленность, иной раз мелькает традиционное «солнышко» стихотворение; случается и так, что автор вдруг перестает видеть мир одновременно и глазами своих маленьких героев, и тогда увядает художественная правда.

Но здесь речь шла о главном: за три десятилетия работы поэтессой создано немало ценного, своего. Лучшие стихотворения

ские завоевания Е. Стюарт живут в сознании тех, кому ее творчество знакомо.

Ну, а многим ли читателям ее творчество известно? В Сибири — безусловно, да. Не только читателями, — многие молодые поэты Новосибирска и Иркутска, Барнаула и Красноярска считают Е. Стюарт своим авторитетным старшим товарищем. А за пределами Сибири? Ведь известно, что прославленные книжоторговцы «барьеры» до сих пор мешают массовому переходу книг через областные границы. В Москве же произведения Е. Стюарт были известны лишь однажды: в 1955 году Детиздательство возможное отобрать из того, что было ею создано за четверть века, сорок — шестнадцать стихотворений! И это все!

Вот почему и возникла настоятельная потребность наряду с разговором о новой поросли поэтов сказать и о поэте, который работает в литературе очень давно. И — плодотворно!

Борис РЯСЕНЦЕВ

Романтика жизни

ЕСТЬ книги, которые берешь в руки с чувством особого уважения: за их страницами встает сам автор, его судьба, подвиг его жизни.

В них можно смело отнести к книге Гр. Федосеева «Тропой испытаний», вышедшей недавно в Детизде.

Многие из нас, любящих Сибирь и пишущих о ней, немало поездили по этому благодатному краю, забывая в самые отдаленные, глухие уголки. На отрядах, на сабах, в лодке, на плоту мы добрылись до эвенкийских стойбищ и яграсанских чудов, до новых поселков, возникших за годы Советской власти на разных широтах Сибири. Но вот так, пешком, с тяжелым грузом за плечами, почти ежеминутно рискуя сорваться с еще недоступных вершин, пробывая там, где еще не ступала нога человека, победя холод, голод, бешеную ярость неизвестных рек, вступая в единоборство с тайгой, с безжалостно-суровой природой северных краев нашей Родины, лицом к лицу встречаясь со смертью, находясь всего лишь на шаг от гибели и тут же, после спасения, добытого последними усилиями воды, предскажишь к костру, негнущимися пальцами заноса в запястьях книгу события минувшего трудного дня. — Вот так никак из нас, пожалуй, не странствовал по Сибири.

А Федосеев именно так прошел всю Сибирь, весь Дальний Восток.

Отсюда и правдивость, жизненность его книг. Отсюда их большая впечатляющая сила.

«Тропой испытаний»... Мне кажется, что трудно дать более точное и верное название. Неторпливо, без ложной выспренность и дешевой красноты начинается автор свой простой рассказ о полных советских геодезистов, покоривших неприступные вершины Джугджры, Джугджра, Станового хребта, исследовавших огромные пространства, прилегающие к суровому Охотскому морю, степных последние «белые пага» с карты нашей Родины. С любовью, с тонкими, запоминающимися деталями выписаны в книге образы участников экспедиции. Но, конечно же, самая большая удача книги — образ эвенка Улукитана, проводника. Тайга для него — как раскрытая книга.

От первой до последней страницы образ старика-эвенка неизменно сопутствует нам. И он достигает большей обобщающей силы в главах, описывающих внезапную слепоту Улукитана, трагический переход через реку Купури.

Повесть Гр. Федосеева «Тропой испытаний» служит воспитанию характера, учит молодого читателя никогда не отступать перед трудностями, закалять свою волю, идти к победе.

В последние годы на прилавки наших книжных магазинов серой волной хлынула всяческого рода приключенческие, де-

тективные повести и даже романы. Одни — лучше, другие — хуже, но в целом не многие из них выходят за рамки схем, привычного сюжетного построения.

Произведение Гр. Федосеева — яркий пример того, как на жизненно правдивом материале можно создать увлекательную книгу о простых и незаметных советских людях, об их стойкости, героизме, самоотверженности. Автор шел от жизни. И поэтому каждая страница его повести овеет подлинной романтикой — романтикой борьбы с природой, с трудностями. И поэтому она так увлекательна, волнует, впечатляет.

Казимир ЛИСОВСКИЙ

Первая книжка

ЕСЛИ ВЫ не знаете, кто такой Жакоба, то услаивайтесь поудобнее и начните читать забавную, веселую и умную книжку о его приключениях. Потом, конечно, вы ее захотите почитать детям, а если они еще не умеют осилить грамоту, прочтите им сами, и вы будете вознаграждены чудесной улыбкой, звонким смехом, а может быть, вам подсчастливится подсмотреть, как человек, которому нет ни роду и сего нет, впервые задувается на многих привычных вощах.

Так кто же все-таки такой этот Жакоба? Жакоба — тринижанская обезьяна, с которой происходит всевозможные приключения. Но хотя обезьянка и трагична, она, как живая, думает, совершает поступки, грустит и радуется. И оттого, вероятно, слушаешь рассказ о ее приключениях, мы с таким нетерпением ждем, что же дальше будет, оттого мы грустим и радуемся вместе с ней.

Есть в этой книжке и другие герои: сорока-верхохвостка, о которой мы узнаем, что она не только болтливая, но еще и чваливая; отчаянные воиры-коты, те самые, что дают страшную клятву на сметане; храбрый, умный пес Черыш; медлительная королева Зоренька — это она целыми днями размышляет: зачем у нас рога, если она не любит болотца? Зоренька больше всего на свете боится волнения, потому что от этого может испортиться молоко...

Но есть в этой книжке и многобасочный мир настоящих живых дел, мир большой сибирской стирки, мир взрослых людей. И среди них, конечно, самый замечательный — большой, сильный и добрый папа, которому надо стараться подражать во всем.

Дети узнают из книжки многое. Вместе с Жакобой они пойдут, что очень трудно жить на свете в стороне от людей — жить и не приносить никакой пользы. И еще они запомнят, и может быть, навсегда, что нет маленьких дел, — все важно и нужно, если от этого хорошо и весело людям.

Вот почему, читая «Приключения Жакобы», эту небольшую книжку, выходящую недавно Новосибирским книжным издательством, вспоминаешь лучше в нашей детской литературе и прежде всего В. Житкова с его удивительным умением просто, мягко и образно рассказывать детям о людях, о природе...

Автор этой сказки — Ю. Магалиф, новосибирский литератор, только начинающий свое писательское дело.

Одно критическое замечание — оно может пригодиться автору при переиздании: слишком уж много в конце книжки морали. Чаще, чем это нужно, повторяет Жакоба слова «спасибо». Ведь и так понятно, для чего рассказана эта история.

В заключение хотелось бы пожелать, чтобы читателями этой книжки были дети, живущие и за пределами Новосибирской области. Маленькие читатели были бы благодарны Детизду, если бы оно сделало, шире переиздавать лучше из того, что выходит «далеко от Москвы».

С. СМОЛЯНИЦКИЙ

ЧИТАЙТЕ ГРЕХ НЕ УЛОЖИШЬ В ОРЕХ

Когда нечего возразить по существу, критиковать обычно сгущают на тон критики.

Это — окрик. Это — критическая дубинка.

Федор Панферов выступил в № 5 журнала «Октябрь» с заметкой «Кому нужен этот окрик?»

Надо отдать должное отваге, с какой главный редактор «Октябрь» пытается защитить незначительную статью В. Фролова. «Почему плохо на хорошем месте?» опубликованная в № 3 журнала «Литературная газета» статья В. Фролова как раз та, что и ней изображена искаженная, несправедливая картина состояния советской комедиографии. В. Фролов, открывая в журнале «Октябрь» дискуссию, всерьез доказывал, например, что комедии затрогают те, кто увидел себя на сцене, что эти люди якобы вселили в искусство, что поэтому «становилось движение комедийного жанра», что «те, кто осмеливается писать комедии или ставить их на сцене... попадают в немилость, как будто бы раздаются голоса: «Щедрых, нам не нужны ни Гоголи, ни Шекспиров», и т. д. и т. п.

«Литературная газета» откликнулась на призыв «Октябрь» участвовать в дискуссии и выступила против ложных утверждений В. Фролова, напоминая, что «каждый участник советского искусства находится под обязательным контролем широкой общественности». И вот теперь главный редактор журнала «Октябрь» — организатора дискуссии — предлагает реплику «Литературной газете» окриком. Какая же это дискуссия, если в ней нельзя высказывать разные мнения, нельзя разоблачать грубые искажения истины?

Ф. Панферов пытается утешить себя русской поговоркой: мол, «грех в орех», но наглядно подтверждает другую поговорку: «грех не уложишь в орех».

На разоблачившем нас следует, «в чем грех, в чем спасенье». Ф. Панферов вдруг обрушивается на другую заметку, в которой «Литературная газета» изложила и поддержала совершенно правильно статью А. Макарова «Разговор по поводу...», напечатанную в № 4 журнала «Знамя».

А. Макаров, в частности, критиковал

статью М. Чарного в «Октябре» о творчестве Артема Веселого. Правда, Ф. Панферов тут же, мимоходом, как бы отменяется от статьи М. Чарного: «Эта статья напечатана в девятой книжке нашего журнала при прежнем составе редколлегии». (Подчеркнуто мною. — Р. Д.)

Не упомянув ни имени А. Макарова, ни того, что его статья появилась на страницах журнала «Знамя», Ф. Панферов далее пишет: «Октябрь» объясняет в том, что М. Чарный с «неудержимой апологетической экспрессией» создал искаженный литературный портрет Артема Веселого. Значит, «Литературная газета» категорически возражает против того, чтобы Артема Веселого, И. Бабея, И. Катаева, П. Васильева, о которых идет речь в этой заметке, зачисляли в число советских писателей, немало сделавших в советской литературе в 20-х и 30-х годах». (Подчеркнуто мною. — Р. Д.)

Вот как! А ведь «Литературная газета» вовсе не выносила за скобки советской литературы упомянутых писателей. Основная мысль статьи А. Макарова сводилась к следующему: нельзя забывать ленинские положения о критическом отношении к литературному творчеству, не надо подменять живое творческое лицо писателя фиктивными именами, умалчивать о противоречиях в его творчестве, об идеях и художественных просчетах. Ни в статье А. Макарова, ни в изложении этой статьи на страницах «Литературной газеты» ни слова не сказано о том, что творчество А. Веселого, И. Бабея, И. Катаева, П. Васильева следует вычеркнуть из советской литературы.

«Литературная газета» выступала лишь за правдивое, исторически верное освещение творчества этих крупнейших советских писателей 20-х и 30-х годов, против лакировки их сложного и противоречивого пути. Неужели же для Ф. Панферова истинные истины и лакировка тоже «грех в орех?»

Мы вместе с редакцией журнала «Октябрь» — за дискуссии по вопросам литературы и искусства, за широкий обмен мнениями. Но нужно вести эти дискуссии на принципиально основательных, а не на ослепительных, а об идеях и художественном совершенстве и многообразии советской литературы и искусства.

Что же касается тона в критике, то он, конечно, имеет значение, и мы против критической дубинки. Но мы решительно возражаем, когда критику явных ошибок называют окриком.

ЛИТЕРАТОР

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

«Светлое, просторное фойе театра имени Сергея Есенина. На высоком постаменте — белый мраморный бюст замечательного русского поэта. Над ним на синем бархате стихи:

Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть, —
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названием кратким «Русь».

В театре состоялся литературный вечер, посвященный С. Есенину. На вечере выступили учителя С. Соколова, сестра поэта А. Есенина, литературоведы П. Чагин и Ю. Прокушев, писатели С. Васильев, А. Филатов, Н. Шундик, А. Левушкин, автор бюста — скульптор И. Ониценко.

В заключение были прочитаны стихи Сергея Есенина.
Рязань. (Наш корр.)
На снимке: бюст С. Есенина.
фото М. Харламовича.

НЕВЗГОДЫ «МЛАДШЕГО БРАТА»

МНОГО есть старых народных сказок, в которых младшего брата в большой семье обычно упрекают в нерадивости и лени, в то время как он терпелив и трудолюбив.

Находясь в семье братьев по искусству, мы, работники эстрады, чувствуем себя «младшим братом» в сказке. Трудимся мы много, а подлинного внимания получаем мало. Эстрада стала одним из любимейших видов искусства нашего народа — настоящим массовым агитатором и пропагандистом. И все-таки к эстраде относятся без должного внимания. Снисходительно и, я бы даже сказал, небрежно!

Нас упрекают за то, что эстрада мало занимается поисками новых жанров, а ведь это происходит оттого, что эстрада в основном занимается поисками авторов. Разговорный жанр — это ведущий жанр эстрады. Литератор — «отец» эстрадного номера. И вот у младшего его сына до сих пор не могут наладиться отношения с «отцом».

Тут причин много: одни литераторы не желают «снизойти», другие сдают на эстраду только то, что не вошло в книжку или не напечатано в «толстом» журнале. Многие писатели не устраивают оплату эстрадного материала, а есть писатели, которых расхваливают наши эстрадные порядки. Ведь когда писатель не пишет для эстрады, его уважают; стоит только написать, как его тут же забывают: текст по собственному усмотрению перерабатывают, не считаясь со вкусом и мнением автора.

Литературный материал — это ныне самая важная для эстрады проблема. Нужно заново переосмотреть весь имеющийся и исполняющийся репертуар, повести борьбу за высокую литературу на эстраде.

Нам очень хочется, чтобы Союз писателей специально обсудил работу литераторов для эстрады. Среди опытных авторов, работающих в основном для эстрады, есть много способных и талантливых людей, которые не являются членами Союза писателей. Было бы очень хорошо, если бы союз познакомился с их творчеством и поощрил их работу.

Мы мечтаем о том, чтобы на эстраду появились имена писателей, которые широко известны читателям. Ведь нас совсем забыли такие авторы, как В. Катаев, С. Михалков, Л. Никитин, Бр. Тур, М. Светлов и другие. Писатели-сатирики, которые начинали свой творческий путь на эстраде и стали нашими любимыми авторами, — В. Дикочинный и М. Слободской, В. Поляков, Б. Ласкин, В. Бахнов, Я. Костюковский, — также стали отходить от этого жанра.

В итоге литературная часть ВГКО буквально завалена низкоробной халтурой. Нам остаются ремесленники, и мы порой бываем просто вынуждены прибегать к их услугам.

Вот и несутся к эстраде «лирические песни», вроде следующей:

Где-то около счастья проходил,
Называется счастье Володей,
В заводскую спецовку одет,
А глаза непонятно цвета.

Или исполнитель чашушен бойко
выговаривают:

Я с учителем сидела,
Целовала горячо,
Целовалась бы еще (?!),
Да он ушел в училище (!!).

А вот пример отклика на злободневную тему:

Говорят, теперь ракету
Посылают на Луну,
И хотел бы в ту ракету
Посадить свою жену!

СЕГУДИН в Москве есть Московский государственный театр эстрады, который и величайшему сожалению, до сих пор не нашел своего места в кипучей жизни эстрадного искусства. Несмотря на то, что руководство театра принимает активные меры, все-таки наш театр пока остается просто прокатной конторкой. Его следовало бы назвать не театром эстрады, а залом эстрады — это больше соответствовало бы его сегодняшнему состоянию.

А нам нужен театр, где должны рождались новые программы, новые эстрадные номера. Он должен объединить вокруг себя писателей, композиторов, художников. Мне кажется, что в таком театре должна быть не одна труппа артистов, временно объединившихся в случайной программе, а специально созданные — по типу кинескопных групп — эстрадно-творческие коллективы, возглавляемые великими мастерами эстрады. В каждой такой группе должен быть свой анкетный состав, режиссер, художник, автор. И вот эти коллективы должны создавать новые премьеры. Частая смена представлений усилит интерес к театру.

Мне пришлось не так давно побывать в Париже. Там я видел большое количество разнообразных эстрадных театров. Конечно, в некоторых из них под видом искусства зрителям преподносят пошлятина, изощренная порнография. Но, бесспорно, в лучших эстрадных театрах Парижа программы оригинальны по форме, богаты по содержанию. Убежден, что и в Москве должна быть не один театр эстрады, а несколько.

Тут могут работать небольшие веселые коллективы. Зритель зайдет сюда «на огонек», отдохнет, развлечется в уютной обстановке, выпьет чашку кофе, встретиться с товарищем. Многие в этих театрах может быть не привычно — начиная с времени представления и кончая отменой священного правила: «В зал после третьего звонка не входить».

НЕ ТАК давно, после реорганизации, вместо одного бывшего Гостральбюро оказалось два, но с другими наименованиями: ВГКО — Всесоюзное гастрольно-концертное объединение и еще одна организация — «Госконцерт». А в итоге работать стало сложнее, а не проще. Какая нелепость, к примеру, происходит теперь с гастрольями: концертная группа едет по маршруту городов РСФСР — Курск, Орел и т. д. На пути стоит Харьков, который раньше всегда был в маршруте гастрольей. Теперь же на Курск и Орел дает разрешение ВГКО, на Харьков — «Госконцерт», и то с согласия Гастрольбюро Украины; и наоборот: едет группа по линии «Госконцерта», допустим, в Прибалтику, на пути стоит Калининград. Так вот: на Прибалтику дает разрешение «Госконцерт», а на Калининград — ВГКО. Таким образом, гастрольная работа усложнилась, при этом стоимость концертов стала выше.

Проведя такое решение в жизнь с удивительной поспешностью, не продумали еще один вопрос, столь важный для нормальной жизни новой организации: ее не обеспечили помещением. Видели ли вы наш «терем», в котором сейчас размещены ВГКО? Немноголюдные тесные комнаты совершенно непригодны для нормальной работы. Артисты встречаются в темном, прокуренном коридоре. Грустно об этом говорить, но молчать об этом нельзя.

С КАЖДЫМ ДНЕМ все больше и больше расширяется объем работы эстрады. Растут новые дворцы и дома культуры, зеленые театры, колхозные клубы, и с каждым днем повышается требовательность к эстраднему искусству.

На сцене советских эстрадных театров выступает много иностранных гостей, почти во всех странах мира гастролируют наши артисты. Все это требует еще большего внимания к эстраде.

Сейчас огромная масса артистов эстрады работает в различных концертных организациях Союза, и все они мечтают о новых номерах, о новых концертных успехах. У нас на эстраде много талантливых артистов, влюбленных в свою профессию, у нас замечательная молодежь, и мы имеем все основания добиться полного расцвета эстрадного искусства.

Как говорится, «у всякой сказки бывает конец», и я надеюсь, что история о невзгодах «младшего брата» также придет к концу и, как полагают в старой доброй сказке, кончится благополучно.

шанку-ушанку и размашисто зашагал, спускаясь под изволок. «Как вор, убегаю», — внезапно резнула мысль, и он споткнулся. — Ушел, никто не видел, не слышал. Люди скажут — виноват, сбегал... Вот тебе и «партийный», скажут... — Павел со злостью махнул рукой. — А! Пускай говорят, что им вдумается. Скажут про другого, да еще плохое, — легче всего... Он старался думать о том, что его ждет вперед, а мысль безжалостно отбрасывала назад. «Сане Осокиной теперь — простор: иди с кем хочешь». Беспрепятственно? Под подкатит за ней Коляш Фанасов на своей трехтонке, заберет ее вместе с позитивом и утрит в себе. Разве отыщешь тогда? От мужа! И останусь я одной...

Сзади послышалось тарыхнетное колес по копытным колеям и звонкое собачье тявканье. Павел свернул на обочину, давая подводе дорогу. На телеге, впереди, сидел Мотя Тужеркин, а сзади него, в незнакомой женщине и мальчик лет шести. Мотя всю дорогу молчал, безмолвно, в такой холод, не давая как следует отключить от вчерашней поездки. Догнав Павла, он резко натянул поводья, останавливая старую пегую кобылу с мякими отвислыми губами.

— Гвардия! Куда лыжи навострил? В такую пору в поле только волки рыщут. Неужели из села вы?

Павел неохотно кивнул, и Мотя завелся на своем месте, стараясь взглянуть на женщину. — Вот вам, Ольга Сергеевна, и провожатый. Ты не в Москву, Паша, задумал?

— Нет, — отрывисто бросил Павел.

— Ах, не по пути! — пожалел Мотя. — Ну, садись, под горку то легко.

Вся телега была занята седоками и чемаданами. Лицо женщины было закутано пушистым шерстяным платком, оставались лишь одна узенькая полоска, где выдвинулись темные продолговатые и какие-то скорбные глаза. Встретившись с ними, Павел ощутил неловкость.

— Дойду пешком, — отказался он.

Мотя заболтливо настаивал.

— Скидай хоть мешок. Плечи-то не казенные, пригодятся. Я, пожалуй, тоже пройдуся, ноги закаменели.

Он прыгнул с телеги, и Павел положил на его место мешок. Мотя заговорил, споря отмеряв дорогу своими длинными ногами в обмотках и громоздких, увесистых, как гири, ботинках:

— Держался, значит, держался за высоту и все-таки сдал, отступил. А я думал, никакой огонь тебя не выкурит, так ты укрепились и ожесточился. Выходит, допекли — броня тонка... Теперь один я из бывших гвардейцев остался.

Павел попробовал отшутиться:

— В обороне сидеть долго нельзя, Матвей! Обязательно настанет момент: или беги назад

или кидайся в атаку. В наступление мне идти рискованно: артиллерия слаба на моем участке, боеприпасов мало, резервов нет. В рукопашную — старо, быстро шею свернут.

Мотя рассмеялся.

— Насчет того, что под шею свернуть — долго не жди, у нас на это мастаки.

— Ну, положим, не так то легко свернуть мне шею, — упрямо и озлобленно возразил Павел себе. — Не дамся! Я сам могу кому хочешь свернуть... Но тут же осудил свою вольность и самонадеянность: в сущности, он побежден и спасается бегством именно потому, что боится, как бы ему не свернули шею... Некоторое время он шел молча, затем спросил вопрошало:

— Кого везешь?

Вопрос этот будто разбередил мотинку болтушку, он возмущенно взмахнул вожжой:

— Жену нового председателя, Арбутина, канато! Вчера со станции, нынче назад, на станцию. Я не челнок — швыряй меня туда-сюда, и тридцать пять километров — не унучу перебежать! — Ольга Сергеевна виновато взглянула на Мотю, как бы говоря этим печальным взглядом: извини, мол... И тот сморгнул. — Ольга Сергеевна не по душе, видишь ли, пришлось наше житье-бытье, вроде как и тебе...

— Как же вы кинули его одного? — строго, с неприязнью спросил Павел. Ольга Сергеевна промолчала — с какой стати она должна давать отчет каждому встречному. За муть уверенно ответил мальчик:

— Мы и папе телегу приедем.

— Выходит так, — осуждал Павел, — ты оставайся, терпи всякие неудобства деревенской жизни, а я покочу в столицу, где тепло, светло и мухи не кусают. Ничего себе жена!

— Да, — с сожалением заключил Мотя Тужеркин, — Владимир Николаевич остался без прикрытия — тыл не обеспечен.

Ольга Сергеевна резко отглагола от рта платок и, обращаясь к Павлу, выпалила с неожиданной горячностью:

— Я, может быть, поступаю нехорошо по отношению к мужу. Мне трудно свыкнуться в новых условиях — я никогда в деревне не жила. Да, в конце концов, это наше личное дело! А вот вы: вы ведь тоже бежите!

От внезапности Павел даже приостановился, и подвода ушла вперед. Он нагнал ее, схватил обеими руками за край телеги и, шагая боком, заглядывая женщине в глаза, крикнул:

— Вы меня с собой не равняйте! У меня, может, душа кровью исходит. Я на нее наступил каблуком, чтоб замолкла. Каково мне с такой душой в город идти!

Он вдруг представил Арбутина, его мягкий, внимательный и сочувственный взгляд, и как он несмело попросил его. Павлу не ужасно. «Значит, понимает, что трудно придется тебе меня, — не без гордости подумал Павел. — Ко-

нечно, трудно. Заклюют его. Поддержка нужна, бойцы».

Павел не заметил, как прибавил шаг. Собачка, трусливо заступилась, подкатилась под ногу ему. Лопухов вспрыснул и встал, испуганно носясь влево. Мальчик как будто обрадованно закричал:

— Гляди, мама, какая большущая собака!

— Да это же волк! — изумленно и с тревогой воскликнул Мотя Тужеркин.

Поджарый волк со свалившейся клокочающей шерстью на тонких боках, вскидывая задом, беспешными прыжками пересек дорогу и, достигнув овражка, сел. Он посмотрел на людей дикими и древними глазами зверя, извечно тоскующего от одиночества, неустроенности и стужи. Чутьни уши его стояли торчком, ветер взлохматил шерсть на загривке.

Собака, повизгивая, терлась возле ног Павла.

Гляди, и не боится, — сокрушался Мотя. — Значит, серый, что у нас нечем палкнут... Он схватил смержился ком земли, швырнул им в волка. — Бети, дурачок, в Козий овраг, получишь на завтрак яденка!

Волк с презрением поконсил на Мотю и на его трусливую собачонку и, обжевав овражек, подкатил за «венца».

Собачонку словно прорвало, она захлебнулась сплошным сверлящим лаем, в порыве ярости бросилась от дороги, но тут же, спохватившись, покочилась назад. Волк срыснул из глаза, а Мотя все еще кричал, улюлюкая и смеялся.

Павел остался равнодушен к истории с волком. Он угрюмо смотрел на колесо телеги, прыгающее по кочкам. «Да я никак очумел, с цепи сорвался», — взвизгивал он себя, — кинулся, будто с чужого двора! Не доложился, не сдал дело с рук. Меня и впрямую в суду пригнать следует, как беглеца какого-нибудь. Что бы там ни случилось со скотом, на дворах, все можно свалить на меня, как на мертвого... Выходит, я же и подсоблю своим заклятым врагам — Козудову, Коптильникову, бегством своим сияю с них все вино».

Ему стало дунуло, он рванул тесемки под подбородком, и наушники шапки разлетелись в стороны. Идти становилось все труднее, ноги наливались ледяной тяжестью. Вот сделан последний шаг. Павел выхватил из телеги мешок и, ни слова не сказав, рванулся назад.

— Куда ты, Паша? — Мотя натянул поводья. — Вот чумовой! На волка не напрысь!..

Павел не оглянулся. «Пускай волк, враг, сам черт — зубами выплеснет!» с ожесточением шептал он, торопясь и спотыкаясь: мешок тащился по земле, ударяя по мералье копки.

С «венца» он почти бежал. Ему казалось, что с момента его ухода прошло очень много времени и что там, в колхозе, дома, если он срочно не придет, случится что-то непоправимо страшное.

В село он входил берегом реки, совершив для этого большой обход, пробрался задом, с оглядкой, — боялся, что его увидят с походным мешком. Приблизившись к огороду Мотя Тужеркина, перелез через изгородь и на погребке спрятав мешок до вечера, закинул его подсолонечными булыжниками.

Не заходя домой, он направился к Арбутину.

ВЛАДИМИР Николаевич, проводив жену и сына, со всей остротой ощутил неприятную, лугующую пустоту. Он сел за стол, уставил, осунувшийся, подпер щени ладонями и долго думал о том, что в его судьбе наступила новая полоса, незнакомая, полная беспокойств, лишений и борьбы: что, придя домой, он не встретит ни жены, ни сына — не кем отдохнуть и посоветоваться.

Арбутин так и уснул за столом, уткнувшись лицом в согнутый локоть.

Бабка Алена, возвратившись в избу, попробовала осторожно подложить ему под голову подушку и разбудила. Он раздвинулся, вымылся над ладонью ледяной водой и пошел в простенные зеркала, стал бриться. Горячая вода из чугушка пахла паровой катанкой котурной. Сминувшая дверь Арбутина в зеркала увидела Павла, но не обернулась. Павел постоял посреди избы, машинально поглаживая шелковое ушко теленка, потом виновато кашлянув, известил глухо:

— Вернулся, Владимир Николаевич.

— Откуда? — Арбутин, оттянув одной рукой ухо, выбирал шеку.

— С дороги. А вы, наверно, простились со мной навсегда?

— Не совсем. — Арбутин повернул к Павлу лицо с намыленным подбородком и кивнул на лавку. — Садись. — Павел послушно сел. — Ты в партию когда вступаешь?

Павел сконфузил по лавке ближе к Арбутину.

— Я в рядах партии с 41-го года. Под Москвой вступал. Я, знаешь, как думал тогда? Вот стою я на границе жизни и смерти, — граница эта была последней: приказ-то был такой, что сердце заморало, — умри, а ни шагу назад! Умереть-то можно запросто. А вот выжить и сражаться — куда труднее!.. Я выжил и живу вот...

— И сражаться? — подтвердил Павел мурмо, — да побед не одерживаю. Матвей Тужеркин говорит, что броня тонка... А на меня прыгнул дикий огнем, он вскокнул и схватил Арбутина за ворот рубашки, бледнее, прохрипел ему в лицо: — Если ты отступишь!.. Из-за тебя вернусь!.. Гляди. Не подожми!

Арбутин медленно и спокойно отвел от себя его руки и сказал тихо:

— Успокойся, Павел. Будем вместе ковать броню...

КУДА ИДЕТ АМЕРИКА?

О. ПРУДКОВ

К ОРРЕСПОНДЕНТ американского журнала «Юнайтед Стейтс» Нью-Йорк анд Уорлд репорт» провел день с государственным секретарем США Джоном Фостером Даллесом. Он не отходил от него ни на шаг, вел стенографическую запись его бесед, восхищаясь работоспособностью мистера Даллеса, поражаясь обилием проблем, которые приходится разрешать государственному секретарю...

Из статьи, обильно снабженной фотоснимками, можно узнать о различных деталях жизни Даллеса, о меню его завтрака, марке автомобиля, любви к детективным романам. Однако тщетно было бы искать в этом рекламном пантеграфике ответ на вопрос, волнующий сегодня миллионы американцев: почему во всем мире неуклонно нарастает волна протеста против внешней политики США, волна антиамериканизма, как Соединенным Штатам выбраться из трагических неурядиц и провалов, в которую завел страну Даллес? Ведь даже сам государственный секретарь заявил на днях на пресс-конференции, что не может припомнить хотя бы одну страну, в которой он не сталкивался бы с антиамериканскими настроениями.

События последних недель с особой силой показали неуточность, гнилость «явления американской политики». Третий советский искусственный спутник Земли продемонстрировал чудесный прогресс советской науки, растущую силу и мощь страны социализма. Торжеством политики мира и осуществления были советско-арабские переговоры в Москве. В то же время не было, пожалуй, большого позора в истории Соединенных Штатов, чем вывоз вице-президента Никсона по странам Латинской Америки, и журналист Уолтер Липман справедливо назвал его итogi «дипломатического пира-Харбором». Пламя костров, на которых горело имущество информационных центров США, разгромленных в различных странах Востока местным населением, бросало алмазные блики на политику Джона Фостера Даллеса.

Запад охвачен тревогой, неуверенностью, сомнениями. Газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» и «Нью-Йорк таймс» в один голос мрачно признают, что США и «западный мир» находятся сейчас «в беде». Почему империалистические деятели оценивают и забрасывают камнями? Дело в том, что сопротивление народов «политическую силу» приобретает повсеместный и всеобщий характер. Соединенные Штаты сегодня снова и снова стоят перед крахом тех идеальных и политических принципов, которые положены в основу послевоенной американской политики.

Многие годы заокеанская пропаганда твердит: капитализм — это хорошо, а коммунизм — это плохо, коммунисты вынуждают агрессивные планы против Запада. На этой хитрой почве живых измышлений произрастает ядовитая трава — империалистические блоки НАТО, СЕАТО, Багдадский пакт. Миллиарды долларов тратятся на вооружение. Народы говорят: терпите, лишения необходимы, чтобы спасти Запад от коммунизма. Во имя этого разжигается «холодная война», политики жонглируют терминами: «сдерживание», «освобождение», «массированный ответный удар», «за грань войны»... Но в каждом ядре все большее число людей убеждается в миролюбии Советского Союза и стран социалистического лагеря, одно за другим из Москвы приходят предложения об укреплении мира, прекращении «холодной войны». Из Вашингтона же все это время неизменно доносится и доносится по сей день угрозы и бравады оружием. Вполне естественно, что народы перестали верить в пресловутую «коммунистическую угрозу», отвергли идею крестового похода против коммунизма. Что же осталось? Зачем спрашивают люди, нести лишения, связанные с гонкой вооружений, ежедневно находиться под дамокловым мечом новой войны?

Янки все эти годы обращались с союзниками, как господа со слугами. В мае Даллес произнес речь по случаю столетия штата Миннесота. Государственный секретарь назвал «взаимозависимостью» отношения между США и другими государствами капиталистического мира. «В современной международной обстановке», — утверждал он, — страны не могут жить в условиях мирного процветания, если каждая из них будет подчеркивать только независимость и игнорировать взаимозависимость». Однако элитный термин Даллеса явно нуждается в уточнении. На самом деле «взаимозависимость» пошла в зависимость, и «союзники» попали в зависимое положение, они вынуждены подчинять свои интересы Соединенным Штатам. И это — прямой результат политики гонки вооружений, создания блоков, проведения в жизнь дорогостоящих военных программ. Все это совершалось, чтобы отразить «угрозу» окончательно рухнула. И народы все громче заявляют, что не желают терпеть

постоянной опеки США, их беспрерывного вмешательства в чужие дела.

Жизнь безжалостно разбила и другой тезис американской пропаганды. Считалось, что «сильные» Соединенные Штаты легко навязают свою волю «слабому» Советскому Союзу. Считалось, что США процветают, далеко обогнали в своем развитии мир социализма. Осенью 1956 года во время последней предвыборной кампании одним из главных лозунгов республиканской партии было: процветание. Но не прошло и года, как начался экономический спад. А советские спутники окончательно похоронили миф о превосходстве США. И сегодня в американской газете «Кристен сайенс монитор» можно прочитать следующие рассуждения, основанные на выводах последней сессии НАТО в Копенгагене: «Советский Союз — значительно более крупный фактор в экономическом и политическом смысле, чем мы, на Западе, могли бы этого желать. Неприятен тот факт, что темпы его промышленного производства — наивысшие с этим поладать. Если подобные темпы будут продолжаться, безусловно, может наступить время, когда Советский Союз станет богатейшей и наиболее производительной страной в мире». Так складывается реальное соотношение сил — отнюдь не в пользу лагеря капитализма...

Послевоенный американский курс в глазах мировой общественности лишен смысла, так как он питается призраками и иллюзиями, а не реальными фактами. Эта политика отражения несуществующей угрозы, политика «силы» без достаточной силы. Вполне понятно, она не может рассчитывать на какой-нибудь успех.

Американский журнал «Нейшн» не так давно поместил статью, в которой констатирует, что США постигли серьезные дипломатические неудачи. Журнал подчеркивает, что Советский Союз «правильно понимает настроения общественности в жизненно важных для нас частях мира, он действует смело, оригинально и весьма своевременно. По всем основаниям, русские заслужили свой дипломатический триумф». «Нейшн» иронизирует: «мистер Даллес боится потерять свой престиж на конференции на высоком уровне, но он уже потерял его и без этой конференции». Журнал советует Эйзенхауэру попытаться найти «новую линию», так как Даллес сам не знает, что собирается делать.

Видный деятель консервативной английской партии лорд Солсбери, критикуя в палате лордов американскую политику, воскликнул: нам необходимо знать, куда идет Америка и как она предпочитает жить.

Действительно, куда идет Америка? Имеются ли признаки того, что руководители американской внешней политики намерены более трезво оценить обстановку и сделать решительный поворот в сторону мира?

В последних выступлениях Даллеса и его коллег по-прежнему немало миролюбивых заверений, рассуждений о морали и духовной свободе, одобренных цитатами из священного писания. Но затасканные фразы об «обороне» и ссылки на библейские тексты не меняют общего агрессивного тона речей государственного секретаря. Едва ли не самым основным в его выступлениях в Западной Берлине и в Нью-Гемпшире был тезис о необходимости продолжать «нажим», то есть «холодную войну». А что сделали Соединенные Штаты для быстрой организации совещания на высшем уровне, которого ждет весь мир?

Соединенные Штаты выдвигают на первый план такие предложения, как вопросы о восстановлении Германии (точнее, о «сплочении» ГДР Западной Германией) или о

пресловутом «освобождении» стран Восточной Европы, — предложения, лишь притягивающие внимание в верхах. Ни ГДР, ни другие восточноевропейские страны, успешно строящие социализм, нравятся это или не нравятся за океаном, не свернут с избранного ими пути. В то же время по главному вопросу, который волнует все народы, — вопросу о прекращении гонки ядерных вооружений — из Вашингтона не поступают конструктивных предложений. Американская печать велит раздуванную пропаганду гонки ядерного вооружения. В том же номере журнала «Юнайтед Стейтс ньюс», где безудержно рекламируется Джон Фостер Даллес, помещено интервью с председателем объединенной группы начальников штабов США генералом Туайнингом. На вопрос корреспондента журнала, необходимо ли продолжать испытывать водородное оружие, Туайнинг дал повоевому лаконичный ответ: «Категорически, да».

Не без оснований американская пресса отмечает, что единственный практический шаг, совершенный Соединенными Штатами в ответ на миролюбивые предложения СССР, — это одностороннее прекращение Советским Союзом испытаний ядерного оружия, на усилия вызвать совещание в верхах, — это попытка сорудить повсюду базы для ракетного оружия. Та же политика «позиции силы», политика «устрашения!» контраст в подходе к решению международных проблем настолько разительна, что не нуждается в комментариях.

Когда-то в американском журнале «Форин аффэрс» появилась печально знаменитая статья, излагающая основы «холодной войны» и подписанная «Мистер Икс». Под этим псевдонимом скрывался дипломат Джордж Кеннан. Ныне другой журнал, «Америкэн меркьюри», под заголовком «Мы проигрываем «холодную войну» напечатал статью, подписанную «Посол Икс». «Икс» издания 1958 года советует государству «заставить» Советский Союз действовать согласно американским желаниям, а если СССР откажется, то «мы должны исключить его из Организации Объединенных Наций». Вот до каких геркулесовых столбов глушится доходит ныне оборонная политика «позиции силы»! Джордж Кеннан спустя несколько лет был вынужден пересмотреть свои взгляды и сейчас выступает за изменение американской политики. Очень возможно, что жизнь заставит «споса Икс» сделать это еще быстрее...

Сейчас в США немало людей отдает себе отчет в том, что политика «позиции силы» задела Америку в тулпи, подорвала ее международный престиж, сделала ненавистной во многих странах капиталистического лагеря. Ведь не может быть и речи о том, чтобы навязать свою волю социалистическому лагерю! Один американский журнал заявил: «Переговоры трудны и даже опасны, но так как нет никакой другой альтернативы, кроме войны, и нужно их начать все». Да, другой альтернативы нет — переговоры и мирное сосуществование либо война. Советский Союз, все страны социализма борются за мир, за разрядку международной обстановки. Этого хотят народы всех без исключения стран земного шара. Советские миролюбивые предложения потому и являются «дипломатическим триумфом», что они отвечают чаяниям всего человечества и основаны на реальном анализе международной обстановки.

Может быть, кое-кому из американских обывателей и будет интересно узнать с помощью журнала «Юнайтед Стейтс ньюс» о привацах г-на Даллеса. Несомненно другие, подавляющему большинству здравомыслящих американцев хотелось бы выяснить, когда, наконец, в правящих сферах США осознают размеры своих неслыханных политических просчетов, перестанут осложнять международную обстановку и сядут за круглый стол с искренним намерением добиться улучшения политической погоды в мире.

Последний этап: отъезд вице-президента США Никсона из Венесуэлы...

Всепобеждающая сила прогресса

Михай БЕНКУ, румынский поэт, академик

У КОГО из нас запуск первого советского спутника Земли не вызвал удивления, радостного восторга и восхищения. Именно такие чувства мы испытывали всегда, когда узнаем о каком-то в высшей степени величественном, необыкновенном достижении ума и сердца человеческого. И вот теперь в совершенно фантастически неисследованной области знаний, где перед нашим разумом вставали, казалось бы, непреодолимые преграды, пробита первая брешь. Открыт путь в неизведанные до селы мира, куда в неудержимом полете достигала разве только фантазия поэта или дерзновенная мечта исследователя.

Как передать то чувство, которое охватило меня, овладело моим существом, когда я узнал о запуске третьего советского спутника. Он появился на небосводе нашей планеты в дни, когда Советский Союз односторонне прекратил испытания ядерного оружия; в дни, когда американские самолеты с грузом атомных бомб летели и советскими границами; в дни, когда на земле растел и ширится борьба за мир.

Появление третьего советского спутника Земли именно в эти дни еще более укрепило живущие в человечестве надежды, что силы мира и прогресса возьмут верх над мрачными силами войны и унижения человеческого достоинства. Вот почему в овладевшим мною сложном чувстве перед этим поистине космических масштабов успехом советской науки сходятся в единое целое и глубокое переживание, и понятная гордость, и чувство безграничной радости. Истоки моей гордости — в сознании того, что я являюсь современником тех, кто открыл пути в межзвездное пространство, что силы, создавшие третий спутник Земли — чудо науки, могут остановить любые попытки навязать на человечество ужасы атомного истребления. Моя радость еще и от того, что вместе с миллионами людей во всем мире я могу сказать: «Я видел своими глазами, как на небосводе засияла новая звезда вселенной — звезда силы мира и прогресса».

Описывая лучезарный путь на своей орбите, новая звезда ласкает наши лица лучами высших чаяний и веры в будущее. Мы знаем: это не болит, не метеор. Это — огромная лаборатория высшей науки, науки первой страны социализма.

БУХАРЕСТ. МАЙ.

Геннадий ФИШ

Линия мира и дружбы

КАКИЕ вы заметили перемены в отношении финнов к Советскому Союзу с тех пор, как побывали в нашей стране зимою 1945 года? Такой вопрос мне задали месяца два назад в Хельсинки.

Зимою сорок пятого года, когда еще шли бои на Западном фронте, первая делегация деятелей советской культуры, прибывшая в Финляндию республику, встретилась в Хельсинки и Турку с такой бездной предубеждений, предвзвешенных, антисоветских слухов, сплетен, клевет, что мы все просто дыму давались: откуда что берется?

Почему в России запрещено изучение иностранных языков? — такой вопрос нам доводилось слышать от интеллигентов, которые искренне желали, чтобы Финляндия установила хорошие отношения со Страной Советов. На собрании в Турку корреспондент местной газеты, молодая женщина, спросила: не считаем ли мы, что слишком рано в двухлетнем возрасте отнимать детей у родителей и отдавать для коммунистического воспитания в детские дома?

Девушка-репортер хорошо относилась к нам; она считала дружбу с Советским Союзом необходимой, но в то же время простодушно верила, будто у нас нет семей, детей отбирают от родителей, и тому подобной чепухе, которой элонецкая пропаганда наличала головы многих, — к сожалению, слишком многих! — финских граждан.

Руководитель советской делегации В. Кеменов в ответ на вопрос девушки-репортера (его ответа с настороженным вниманием ждала аудитория) высталил из внутреннего кармана пиджака бумажник и вынул из него фотографию. На ней он был снят вместе с женой и двумя сыновьями, возраст которых нижого превышает зполуполуные два года. Эта фотография лучше, нежели длинная речь, развенчала в прах многолетнюю ложь.

И вот теперь в ответ на заданный мне вопрос о том, какие я наблюдаю изменения в настроениях здешних жителей, я расска-

Стихи поэтов Ирана

В октябре этого года в Ташкенте состоится ВТОРАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПИСАТЕЛЕЙ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ. В наши дни, когда многие страны, свернувшись из колониализма, встали на путь независимости, а другие народы сражаются за право самим творить свою судьбу, голоса писателей Азии и Африки приобретают все большее и большее значение в борьбе прогрессивного человечества за мир и демократические идеалы. Конференция в Ташкенте позволит им участвовать обмениваясь опытом, поведать некоторые истоци, установить дружеские контакты, наметить главные цели и задачи, объединяющие писателей различных политических убеждений, но единых в своем стремлении бороться за мир, за благо своего народа.

В период подготовки к конференции «Литературная газета» на своих страницах будет предоставлять слово ее будущим участникам, а также шире знакомить читателей с произведениями писателей стран Азии и Африки.

Своею мы публикуем подборку стихотворений современных иранских поэтов. Публикуемые переводы даны в подлинном варианте Гослитиздатом сборник «Персидская поэзия XX века».

Мохаммед ШАХРИЯР
Раздумья
Ударит дождь по кровле богача —
он только голову склонит слегка,
А хлынет на жилища бедняков —
над ними крышу ветхую снесет.
Уж лучше слезы чистые пролить
и благодарный в скорби умереть,
Чем у ворот бесчестных богачей
стучаться в ожидании щедрот.

Я вижу в пасти подлых торговцев
последний хлеб, отобранный у нас,
И говорю: еще наступит день,
когда дракону рассекут живот.
Едва приказ послышится: «Огонь!» —
в дыму, в крови измогает мир.
О, наш аллах! Разрушь чертоги тех
кто подлые приказы отдает!

Лотфали СУРАТГЯР
Послание ветерка
Снова реет предо мною образ ласковой
подруги,
И глазам моим тревожным в эту полночь
не до сна.
Птица крикнула ночная... Это ты в саду
проходишь,
Ветерок незримой свитой в темноте
окружена.
Нежный трепет — словно выеся мотылек
неугомонный,
Словно с меслецом лунаком тахо шепчется
волна.

Даже ветер с юной розы снять не смеет
покрывала,
Так и ты всегда стыдлива, горделива и
стройна.
Кто-то близится во мраке... Кто? —
тихонько окликаю.
Ветерок, ее посланец, шепчет мне:
«Она, она!..»

Шахназ ЭЛАМИ
Осенний дождь
Сердце сумрачной тенью,
непогодное, сырое,
Злобы нахлыло покровом,
словно черствую корочку.
И туман тревожной ночи,
ветра дикие угрозы
Из очей слепого неба
выжывают кровь и слезы.

Полночь криком оглашая
и рыданьем монотонным,
На тюреный двор, бушуя,
струны ругается со стоном,
Словно богатырь в колючку,
очутившийся в неволе,
Тяжелю упал на землю
и катается от боли.
И гремя холодной кровелью
переполненной тенью,
Все стучит осенний ливень,
все борочет и бранится,

Словно в свежую могилу,
на лицо, еще живое,
Кто-то сыплет, сыплет землю
торопливо рукою.
Но в груди глухого склепа,
не поддается боли жгучей,
Беется сердце, отзываясь
полнотою всех созвучий,
Словно песню повторяет,
песню, жаркую, как пламя,
Песню тех, кто в тьме тюренной
дышит завтрашними днями.
Это — тордая надежда,
попыхающая страстью

И измененную душу
устрашающую к счастью,
И упруго дышит сердце
светом, радостью и силой:
Для него весна сияет
даже осенью унылой!

ДАРЯ
Свобода
Ранней весной на холме песчаном,
смяся, играя в лучах восхода,
Кончиком пальца пишет ребенок
слово, понятное всем: «Свобода».
Ранней весной, опьяненные жизнью,
за руки взявшись, люди шагают,
Песню поют они, песню надежды —
цепи ломать эта песнь помогает.
Их кулаки непреклонно сжаты —
никто покоряться судьбе не будет!
Суровы шаги и бесстрашна песня —
всех на земле эта песнь разбудит.
Радостной вести живое пламя,
сила и юность родного края,
Идут они вдале, под свои знамена
братьев бесчисленных соборая.

Вскрхит рыдания на холме песчаном,
проинативший характер — кровью народа,
Туда, где, смяся, играл ребенок
слово, знакомое всем: «Свобода».
В сердце пронизанном жаркой кровью,
каждый хранит это слово будет,
Суровы шаги и бесстрашна песня,
всех на земле эта песнь разбудит!

ШЕРЕНГ
Подарок нашего народа
(Международному конгрессу борцов за мир)
О, друзья!
Я собраля мои!
Я ко всем обращаюсь, в чьем сердце любовь
не угасла!
Мой народ об одном лишь мечтает —
О сннем, безоблачном небе,
Безмятежном и чистом, подобно улыбке
ребенка.

Одного только хочет —
Чтоб розны слетали на землю,
Чтоб лучистыми звездами радость
рассыпалась всюду,
Нам весну приносит — бесконечную жизнь
и весну!

Не хотим,
Чтобы черное облако встало над всею землемю,
Не хотим,
Чтобы снова кричали угромы совы войны,
Не хотим,
Чтобы всюду царили страдания и разрушения,
Не хотим,
Чтобы ненависть мир затошила враждой!
О, друзья и соборай!
Исна ваша добрая воля!
Потому-то народ мой меня и послал,
Чтобы в щедрых ладонях подарок принес я —
Все красотою,
Все радосты вечной весны,
Чтобы их с голубой высоты
На мужичи и на женичи
дождем благодатным
рассыпал!

Наступает весна, о друзья,
Не страшны ей осенние бурн,
Наступает весна для всего истомленного мира!
Долгожданные радости весны на земле обирая,
Наступает весна!
Перевел С. СЕВЕРЦЕВ

МОХАММЕД ШАХРИЯР — автор широко известных в Иране лирических и лирико-философских стихотворений. В 50-х годах вышло трехтомное издание его стихов.

ЛОТФАЛИ СУРАТГЯР — крупный иранский поэт-лирик. Профессор иранского и английского языков в Тегеранском университете.

ШАХНАЗ ЭЛАМИ — одна из ведущих поэтесс Ирана. ДАРЯ — известный поэт и прозаик.

ШЕРЕНГ — молодой поэт.

Второй раз мне довелось побывать в Финляндии перед последними президентскими выборами.

Избирателям предстояло выбрать своим доверием троих выборщиков, которые в свою очередь должны были из шести представленных разными партиями кандидатов выбрать президента... Демократические силы Финляндии отдали свои голоса видному политическому деятелю, лидеру Аграрного союза Урхо Кекконену. Мои финские друзья говорили мне: «Сейчас самое существование и для рабочего класса, и для всего народа — это вопрос о мире. Если будет

вопрос о войне, то и уровень жизни, и все наши социальные достижения полетят к черту... Да и само физическое существование народа, сама жизнь его ставится под угрозу... Кекконен был премьером при Пааскивине и полностью разделяет его мысль о том, что «самым важным для Финляндии является и будет всегда являться то, чтобы страна находилась в хороших отношениях с Россией». Защищая «линию Пааскивине — Кекконена» от нападок, представитель Финляндии привел однажды с трибуны ООН знаменательные слова президента Кекконена: «Я заметил, что когда значение внешней политики Финляндии хотят недооценивать, то говорят, что внешняя политика Финляндии была придумана необходимостью. Но разве достояние мирной политики уменьшается тем обстоятельством, что к ней привела национальная необходимость и что ее основой является правдивый и честный интерес нации?»

Во всех важных делах решающим будет голос народа. И в сегодняшней Финляндии он звучит с новой силой, требуя, чтобы дружба между нашими странами развивалась и крепла на благо всего человечества.

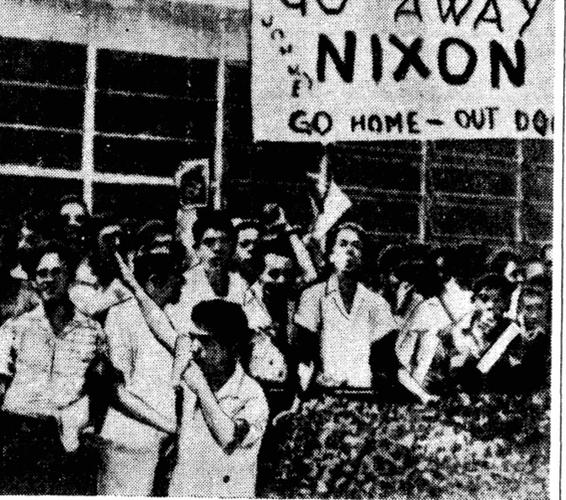
Сто лет назад этот русский в дружбе звучал в голосах русских революционных демократов. Друг и соратник Герцена поэт Н. Огарев сто лет назад писал: «Для нас самостоятельность Финляндии становится такой же дорогой, внутренней мыслью и целью, как для финнов коренное преобразование России из Петербургской в народную и федеративную...»

Теперь программа, провозглашенная русской революционной литературой, осуществилась. Из мечты она стала сегодняшним бытием наших народов.

Финляндия сделала независимой, Россия преобразовалась в народную и федеративную.

И. о. главного редактора В. ДРУЗИН.

Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИЯ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, Е. РЯБИЧКОВ, В. СОЛОУХИН.

Студенты в Каракасе (Венесуэла) протестуют против приезда Никсона. На плакате надпись: «Убирайся, Никсон! Отправляйся домой!»

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, редакция литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней связи — К 4-06-05, международной связи — К 4-03-48, отделы: литературы народов СССР — Б 8-59-17, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.